

Андрей Фролов

Посох

избранные
стихотворения

«В поэзии Андрея Фролова виден образ корневого русского человека, затронутого цивилизацией только внешне, но будто затаённого в ожидании перемен, когда всё фальшивое и легковесное получит своё истинное имя, а настоящее выйдет из векового затвора и явит себя во всей своей широте и правде».

*Вячеслав ЛЮТЫЙ,
литературный критик,
член Союза писателей России*

Андрей Фролов

ПОСОХ

избранные стихотворения

Посох

Андрей Фролов

Андрей Фролов

избранные стихотворения
Посох

Орёл • 2018

ББК 84(2p)6
Ф 91

Редактор *Елена Машукова*

Ф 91 **А. Фролов.**

Посох. Избранные стихотворения. Издание второе, дополненное. – Орёл: Орловская областная организация Союза писателей России. – 2018. – 252 с., илл.

ББК 84(2p)6

В книгу избранных стихотворений вошли стихи, написанные в разные годы 20-летней творческой деятельности автора, как уже знакомые читателю по другим книгам, так и ранее не публиковавшиеся. Андрей Фролов, как всегда ироничен и внимателен к человеку, который собственно и является центральной фигурой творчества поэта.

ISBN 978-5-91468-248-1

© А. Фролов, 2018

БЕЗЫСКУСНЫЕ СТРОКИ

В слове «искусство» совершенно ясно слышится слово «искус»; по-русски «искусный» и значит «искущённый», то есть «знающий», «умелый», «опытный». Но, увы, в последнее время правомерно и другое толкование «искусства» как несущего в себе искус, искушающего, соблазняющего простеца человека. Это относится, в первую очередь, ко всеобщирной индустрии погибели – от «мастеров телевизионных искусств» до творцов так называемого «современного искусства» с его скотоподобными перфомансами, прилюдными демонстрациями срама и фекалий. Слишком известна и определённая (тоже, кстати, «телеведущая» и «голубоэкранная») часть «современной литературы», подпадающая под «последнюю» категорию «искусства».

Поэтому, характеризуя строки Андрея Фролова как «безыскусные», хочется сознательно вывести его за скобки всех упомянутых «искусителей», это раз; ну и два – «безыскусные строки» это ещё и строки, в которых не видно нарочитого мастерства, не видно «как они сделаны»; кажется, будто они сразу так и написались, а вот это-то и есть, как мы понимаем, подлинное искусство, его результат.

Андрей Фролов сегодня наиболее известный поэт из орловских писателей «среднего возраста». И дело не в количестве публикаций. Есть такие общелитературные банальности – «свой голос», «своя интона-

ция». Да, это всё верно (как вообще у кого-то может быть «чужой голос?»), но в случае с Андреем Фроловым мы вправе говорить о более редком явлении – своей теме. А это уже серьёзная заявка на внимание читателя.

Если в двух словах её сформулировать – это остановившееся время наивысшего пика Советской цивилизации, так называемая «эпоха застоя». Именно оттуда бьёт свет в поэзию Андрея Фролова. Нет, не причитания и горькие сетования, не проклятия разрушителям страны, а именно свет – крепкой, осмысленной русской жизни. Может быть, это происходит ещё и оттого, что время наивысшего расцвета русской жизни в советскую эпоху совпало со временем детства и взросления поэта; в глаз ещё не понабились соринки взрослых разочарований и встреченных неправд. Оттого и мир тот (мир пригородной деревни и тесных дворишков старинной городской улицы) обретает у Фролова дополнительную подсветку. И стоит он и держится – мир деда, отца, старшего брата – крепким мужицким разумом.

Избу поставить – разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках...

Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен – ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.

(«Мужицкий разум»)

Но и женской, исконно русской, материнской добротой держится незакатный мир детства поэта. Вот строки про владелицу «самых вкусных на деревне яблоч» (следовательно, нещадно обрываемых мальчишками, как это было во все времена), бабушку Андреевну:

И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
– Вот ужо, кого спымаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

(«Хозяйка яблоневого сада»)

Но есть и другие строки и другие интонации у того, почти уже былинного времени – в которых таится надлом и нравственная, если ещё и не порча, то совершенно точно – растерянность «позднесоветского» человека. «Растерянность», которая уже совсем скоро перерастёт в «потерянность» и унылый, обыденный разгул полуживотной чувственности, щедро поощряемой средствами массовой информации.

Остывает пожар объятий.
Удручённо глядит луна.
Возлежат на одной кровати
Чей-то муж и ничья жена...

А в природе царит истома –
Дело явно идёт к зиме.
Где-то два беспокойных дома
Перемигиваются во тьме.

(«В командировке»)

Однако поэт, получивший духообразующий запас света именно в детстве, совершенно естественно и логично, уже в свою очередь, делится им со своим маленьким читателем. Поэтому немалую часть стихов Андрея Фролова составляют именно те, что обращены к новым и совсем ещё не большим русским людям. Например, про «запрещённые» пироги:

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу: сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами –
Значит в доме мир и лад!

Может в этом и состоит сокровенное обращение Андрея Фролова: из светлого прошлого – через муть настоящего – в наше на глазах подрастающее и, хочется верить, тоже светлое будущее.

Алексей ШОРОХОВ

(«Российский писатель», 3.06.2010)

**ЗОРКОЕ
ДЕТСТВО
МОЁ**

ШОСОХ

A small black silhouette of a person walking to the right, positioned at the bottom of the vertical text 'ШОСОХ'.

ПИРОГИ

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
– Не таскайте,
 пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу сестре – с капустой,
С мясом – папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит – в доме мир и лад!

ГРУЗОВАЯ

1. Утро

Дробный пробег трамвая,
Окон неяркий свет –
Улица Грузовая
Гнётся под грузом лет.

Улочки невеликой
Знатный абorigен,
Батя скрипит калиткой,
Валенки – до колен.

Заново узнавая,
Смотрит из-под руки:
Улица Грузовая,
Тусклые огоньки.

2. Вечер

Пахнет вареньем клубничным
И самоварным дымком.
В ярком трико заграничном
Вылез на свет уличком.

У доминошников ярых
Неиссякаем задор.
В местных, незлых, кулуарах
Бабки ведут разговор:

– Давеча было такое,
Даже не верю сама!..
Сделав зигзаг над рекою,
Сумерки лезут в дома.

3. Полночь

Улочка, наспех запорами клацая,
Бредит, ко сну отходя.
Пряный настой расплескала акация
После шального дождя.

Неподалеку прононсом диспетчера
Сонно бормочет вокзал.
Стихло...
Стыдливо из Космоса вечного
Месяц рога показал.

Дедова липа над крышей сутулится,
Скрыв от напастей жильё...
Если бы этой не было улицы,
Я бы придумал её!

Конопатая девчонка
Довела меня до слёз.
У неё косая чёлка
И слегка курносый нос.

На неё взглянуть не смею
И, в мучительной тоске,
Я от робости немею
Даже вызванный к доске.

Мы сидим за партой рядом.
А пишу ей – в интернет.
Вечерами долгим взглядом
Я сверлю её портрет.

Конопушки посчитаю:
Раз, два, три, четыре, пять...
И всю ночь о ней мечтаю...
А с утра молчу опять.

УРОК

*Татьяне Алексеевне Сидоровой,
учительнице литературы*

Татьяна Алексеевна,
Влюблённая в предмет,
Глядит на класс рассеянно,
Как будто класса нет.

Она – Татьяна Ларина,
Любовь её светла.
Мятежная испарина
На чистый лоб легла.

Отброшены сомнения,
И пишется само
Беспечному Евгению
Любовное письмо.

И мы сидим притихшие,
На нас из-за окна
Глядит глазами-вишнями
Серьёзная весна.

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

В центре города деревня
Притаилась и живёт:
Колченогие деревья
Подпирают небосвод;
Бродят куры меж домами,
Метко склёвывая мух;
Нарастая, как цунами,
Тополиный катит пух.
Заплутав в проулках древних,
Восклицает пешеход:
– В центре города деревня
Сохранилась и живёт!

ПОЛИВАЛЬЩИК

Картину детства в сердце берегу я:
Володька Рыжий, дворничихин внук,
Схватив за шею радугу тугую,
Над головою чертит полукруг!

Широкий веер радужных осколков
С шипением врезается в газон.
А мы поодаль – хмурые, поскольку
К Володьке подходить нам не резон.

Штанины клёш – такая нынче мода,
Под синяком сверкает хитрый глаз...
Что говорить, он старше на три года –
Почти эпоха разделяет нас!

ВЕТЕР

Озорник, невинен и наивен,
Как и всякий юный лоботряс,
В клочья разорвал короткий ливень
И в саду все яблоки обтряс.

Шляпы из соломы и из фетра
Посбивал упругим кулаком.
Получив пощёчину от ветра,
Флюгер завертелся над коньком.

ВОЗДУШНЫЙ ПРАЗДНИК

– В нашем небе, и такое!..
По деревне толк:
Разместился за рекою
Парашютный полк.

К небу вскинутые лица,
Нараспашку рты:
– Как возможно приземлиться
С этой высоты!?

Даже взрослым не до шуток,
Холодок в груди:
– В небе алых парашютов –
Сосчитай, поди.

Мелко крестятся старушки,
Квохчут: «Чур, меня!..
Сдвинув кепки на макушки,
Стонет ребятня.

Пацаны в решеньях быстры:
Над рекой обрыв –
И летят парашютисты,
Зонтики раскрыв!..

Что же, что набили шишек, –
Это ли беда?
Нынче стала для мальчишек
Ближе высота!

НА ПОКОСЕ

Отава изросью умыта.
Из лога выплыла заря.
Литовка шикает сердито
На неумеху-косаря.

Срываю потную рубаху –
Не деревенских я корней,
Но я упрям, и с каждым взмахом
Строка прокоса всё ровней.

Здоровье, вроде, не воловье,
А не устал за два часа –
Шепчу старинное присловье:
«Коси, коса, пока роса!»

ПАСТУХ

Лес за полем приумолк –
Сам себе хозяин.
Там в засаде старый волк,
Озверевший каин.

Чую замершим нутром
Явную угрозу.
Мне бы мясо с молоком
Сохранить колхозу.

Нет, не трусость –
 просто долг
Жжёт босые пятки.
Знаю: там, где бродит волк,
Волчьи порядки.

И кнутом гоню коров
В направленье луга...
Завтра скажут:
– Ты, Петров,
Дело знаешь туго!

НОЧНОЕ

Из душистого сена постели,
Хоровод молчаливых теней,
Неожиданный крик коростеля
И пугливые всхрапы коней.

А под утро – туман по колено,
В нём купаешься, будто в воде.
Догорающее полено
Салютует сгоревшей звезде.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЛЕС

Под ногою хрустнет жёлудь,
Страхом из кустов пахнёт...
Воздух здесь такой тяжёлый –
До земли осины гнёт.
Крикнешь – нету даже эха,
Ухнет филин – чур, меня!
Корчась в судорогах смеха,
Смотрит леший из-за пня.
Стоны, шорохи и всхрапы
Блудят в чаще средь теней.
Сосен скрюченные лапы
Всё когтистей и длинней...

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
Тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
Забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по косогору –
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берёт!

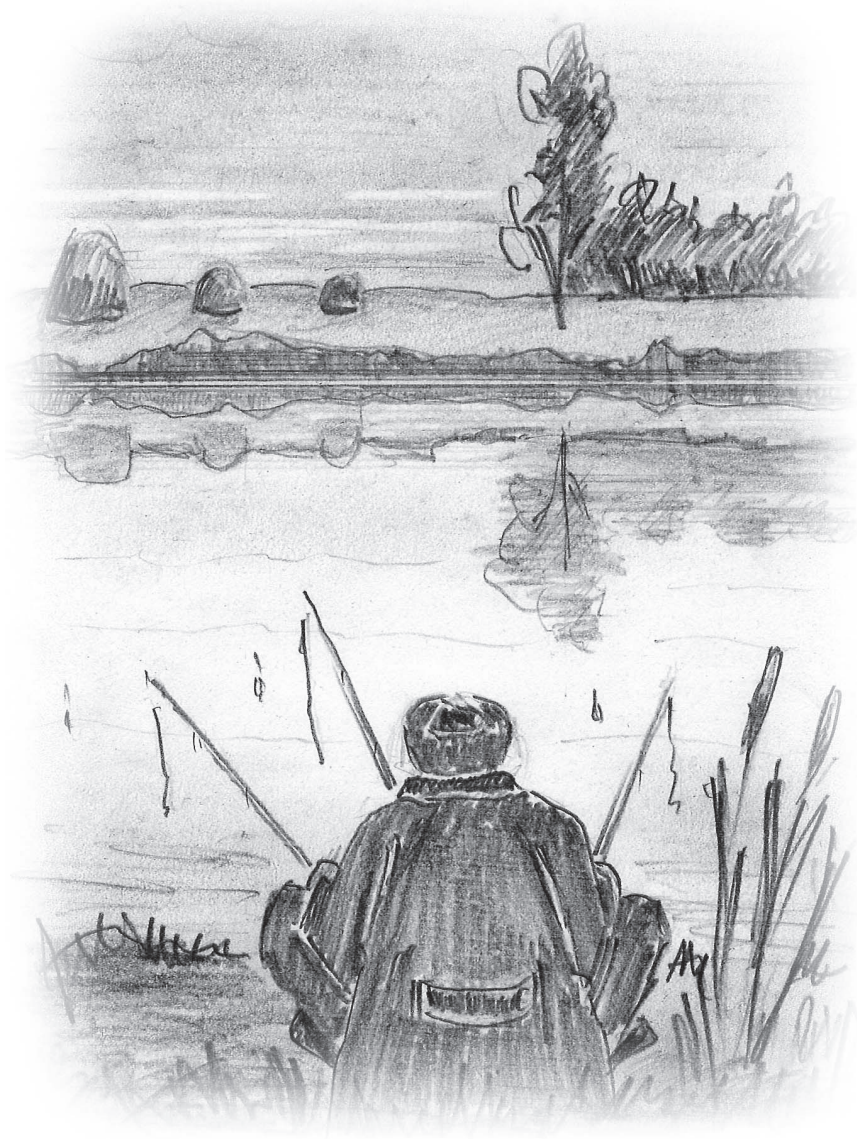
РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
День июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
Размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
Ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде –
Пропадут понапрасну труды, –
Он не слишком искусен в беседе,
Любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
Караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

ИЮЛЬСКИЕ СТИХИ

1. Ночь

Вышла из-за облака луна,
Озарив округу бледным светом.
Крикнешь, и ночная тишина
Выстрелит раскатистым дуплетом.

Ото сна встряхнёт речную гладь,
Распугав ватагу юрких бликов,
И сомкнётся наглухо опять –
До зари, до первых птичьих криков...

2. Утро

Старый пруд, затерянный в глуши.
У воды ракиты прикорнули.
Браво, в три шеренги, камыши
Замерли в почётном карауле.

Резкий взмах пружинистой удой –
Чуть с оттяжкой влево, как учили, –
Снасть несётся пулей над водой
И, блеснув, скрывается в пучине.

Гаснет рябь от лёгкого шлепка.
Жду, волнуясь, первого успеха.
Тишина настолько глубока,
Что не возвращает даже эха.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТНЕМ ДНЕ

Стояла вязкая жара:
На липах лопалась кора.
Мотоциклист, трамвай и дом
Висели в воздухе густом.

Инспектор бдительной ГАИ
Забыл инструкции свои,
И светофора мутный глаз
Мигал лениво, через раз.

У бочки с пивом гражданин,
Как разогретый пластилин,
Сползал в ботинки не спеша,
Над ним плыла его душа.

Листвой топорщился каштан,
Сочился ржавчиной фонтан...
А над фонтаном – вот дела! –
Игриво радуга цвела.

ОТРАЖЕНИЯ

Месяцы, годы, века
Катит река облака,
Солнца размазанный блин,
Птиц недостроенный клин,
Старой сосны острие
И отраженьё моё...

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Игорю Гурову

Мне, против правил строгих,
Грудь раздирает смех:
Уже я выше многих,
А буду – выше всех!

И вот она, вершина!
Плюю украдкой вниз.
На высоте орлиной
Без крыльев я завис!

И ветерок бодрящий
Ласкается... Но чу?!
Качу по нисходящей,
Уже не хохочу.

«Скачусь я до упора, –
Себе тихонько лгу, –
И снова дёрну в гору
На следующем кругу...»

Сноровисто скрипят по снегу сани.
Ворчит на неуступчивый мороз
Возница с генеральскими усами,
Прогорклыми от дымных папирос.

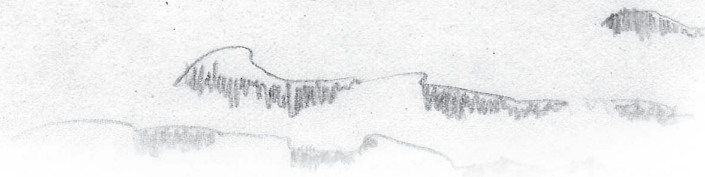
А мы лежим в колючем, хрустком сене,
Хранящем прошлогоднее тепло,
И едем в незнакомое доселе
Дремучее сибирское село.

И нас везут не кони, а драконы –
Не пар, а дым клубится из ноздрей.
Мы сказочным предчувствием влекомы –
Доехать бы, доехать бы скорей!..

Но путь далёк. Смежаются ресницы.
Сливаются в тягучий, долгий миг
И снега скрип, и говорок возницы,
И фырганье драконов вороных.

1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000 1000

В январе, беспокоясь о лете,
Дед почёсывал хитрую бровь:
– Всё изменчиво, парень, на свете,
Ты, давай-ка, телегу готовь...
И с колючей смешинкой смотрели
Голубые глаза на меня...
Дед три дня не дожил до апреля.
Как морозило эти три дня!
Но кончины своей накануне
Улыбнулся морщиною рта:
– Не забудь за жарою июня
На санях заменить два болта...

НА ОХОТЕ

Лёг на озеро ледок,
шелестит позёмка.
Дед Иван ещё ходок,
слева – внук Артёмка.

Дед лесную знает жизнь
и без академий,
он торопит:
– Шевелись,
Иванов Артемий.
Здесь давно не пуган зверь,
вот пройдем овраги –
заяц там... Уж ты поверь
старому бродяге.
Побежит – гляди, не спи –
он умеет драпать, –
с упреждением лупи
метров, этак, на пять...

Лес притих, сгущая мрак,
кронами синея.
Две лыжни ведут в овраг,
правая – ровнее.

ЗИМНЯЯ ЗАРИСОВКА

Уснула на зиму Ока,
Перепоясана лыжнёй.
Чернеет клякса рыбака,
Вооруженного пешнёй.

Заявкой робкой на успех –
Четыре льдинки-окунька.
Негромко вскрикивает снег,
Попав под тяжесть каблука.

ЗИМНЯЯ РЫБАЛКА

Тень от удочки кривая,
Чёрной лунки мутный глаз...
Дробь зубами отбивая,
Я рыбачу третий час.

В двух шагах приятель Колька
Вмёрз по щиколотки в лёд –
Напряжён, подобран... Только
И у Кольки не клюёт.

Мимо нас, почти недвижимых
И слепых от белизны,
Пролетает бравый лыжник –
Пар клубится от спины.

Резко вскидывая палки,
Метки ставит на снегу...
Мне уже не до рыбалки,
Я за лыжником бегу.

СЪЁМКИ

Глухое рывканье мортир,
Дым в поле, как стена...
Снимают фильм «Война и мир» –
Сейчас, как раз, война.

Гороховецкий полигон
Теперь – Бородино.
Наш взвод в массовку приглашён...
Такое вот кино!

На десять дней ворвался свет
В армейский серый быт!..
Жаль, во француза я одет
И должен быть убит.

Красиво падать учит нас
Известный каскадёр.
И вот грохочет, как приказ:
«Внимание! Мотор!»

Кино – серьёзная игра:
Бежим в атаку, но
Лихое русское «ура»
Кричать запрещено.

Штабной московский генерал
Безмерно горд за нас,
А я бы русского играл
Правдивей в десять раз!

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив – так, на всякий случай –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

СОЛНЕЧНЫЙ ФУТБОЛ

Дети любили солнце,
С ним по утрам играли:
В каждом дворе летали
Солнечные мячи.
Шум, толкотня, веселье –
Честный футбол, без драки.
Ссадины от падений
Солнце лечило вмиг...

Дети стареют.
Солнце –
Молодо, как и прежде:
Свет изливает щедро
На поскучевший двор.

Должно быть, случилось неладное с нами:
Дворовый футбол позабыт пацанами...

А в нашем дворе ещё знают ребята,
Как кожа трещит под солёным загаром,
Как мячик вколачивать в рамку заката
Почти по-стрельцовски – кручёным ударом.

Под вопли и ругань рассерженных тёток –
Белью достаётся и стёклам оконным –
Финтит детвора, не жалея подмёток,
Послушна одним лишь футбольным законам.

Какие там бутсы?!
Вьетнамские кеды
Мелькают стоного в отчаянной рубке.
И так до темна, до счастливой победы,
Которой не стоят медали и кубки...

Едва ли игра эта будет забыта,
Покуда последних мячей не забито.

МОНАСТЫРКА

Над покосившейся крышей
Серп недозрелой луны.
С близкого берега слышен
Свист монастырской шпаны.

Лип разлохмаченных тени
Не достигают земли.
Отзвуки всеобщих бдений
Эхом тускнеют вдали.

В утреннем мороке гулком,
Будто бы впад в забытьё,
Шляется по переулкам
Зоркое детство моё.

ОСЕННЕЕ

Сентябрь мазнул небрежной охрой
По кронам престарелых лип.
Полупрозрачный воздух мокрый
К стеклу оконному прилип.

Душа подвергнута унынию,
С каким не справятся врачи.
Заплесневелою пылью
Тревожно тянет от печи.

Ступает бабушка неслышно,
Творит волшебные дела:
Казалось, будто в сени вышла, –
Она уж снова у стола.

Над чугуном колдует споро –
Движенья плавны и мудры –
И говорит не без укора:
– Чайку попей-ка от хандры...

ОТЕЦ

То скромн, то бедов,
Но праведен трудами.
Плоды его трудов
Весомее с годами.

Всей улице знаком,
А может – всей округе.
Легки над верстаком
Его большие руки.

Идёт в универсам,
Кивая встречным:
– Здрате!..
Ответственным за счастье
Собой назначен сам.

Жизнь торопя свою,
Судьбе не даст поблажки.
Всё чаще узнаю
В себе его замашки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Шелестят вокруг зелена,
Перестук колёс – под бугор.
Скорый поезд привёз меня
В отчий край из-за дальних гор.

На медовых лугах стада
Мне мычат:
– Здравствуй, блудный сын!..
И волнуюсь я, как всегда,
Заприметив знакомый тын.

Мне колодец даёт воды, –
Задержусь на пяток минут,
По причине простой среды
Нынче гостя едва ли ждут.

Под высоким скольжу окном,
На крыльце недосуг присесть,
Пыльным ветром врываюсь в дом:
– Принимайте таким, как есть!..

ВОСПОМИНАНИЕ

Звон полуночных яблок,
Падающих с небес.
Столик, присевший набок,
Прячется под навес.
В озере лунным бродом
Тянется в детство нить...
Я ведь отсюда родом,
Здесь мне и дальше жить.

Сколько отмеряно, так ли уж важно –
Я не обижен судьбой.
В детстве запущенный голубь бумажный
Тащит меня за собой.
Белое небо, земля голубая,
Чередование дней.
Сердце тревожит дорога любая,
Встреченный каждый на ней.
Я забираюсь на горные кручи,
Лезу в колодцы без дна
И понимаю: какой я везучий –
Жизнь мне Всевышним дана!
Ветром и солнцем спалённую кожей
Чувствую соль бытия,
Знаю, что истинный промысел Божий –
Это, отчасти, и я.

ДОРОГА

Не покидай, судьба, дорогу,
где каждый камешек знаком,
которой – к другу, к слову, к Богу –
шагаю с тощим рюкзаком;
где обочь – яблони да вишни,
где зыбок полог тишины,
где незатейливые вирши
мои кому-то да нужны.
Пускай над ней теснятся ветры,
пусть я усталый и в пыли,
её хромые километры,
доколе можно, дли и дли.
Не верь досужему совету –
мол, есть и лучшая тропа,
не покидай дорогу эту,
моя строптивая судьба.

ДО НЕБА— ПОЛВЕРСТЫ

КОГДА-НИБУДЬ

Стало в городе постыло,
Я подамся до села –
Там жила прабабка Мила,
Очень правильно жила.

А когда туда приеду,
Как в насмешку над собой,
Заведу за жизнь беседу
С покосившейся избой.

Мне расскажут половицы
Про скрипучий свой недуг,
И ворчливо забранится
Старый бабушкин сундук:

– До каких таких пределов
Под замком добро стеречь?!..
И дымком заплесневелым
Поперхнётся гулко печь.

И прабабушка к обеду
Выйдет, памятью светла...
Я когда-нибудь приеду,
Наплевав на все дела.

Надсадно выла автострада,
Горячим выхлопом дыша, —
Через шоссе валило стадо
Размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
Как будто спали на ходу,
Коровы медленную думу
Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суете
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

ОРЛОВЩИНА

Здесь лес принимает меня, словно брата,
простив прагматизм суеты городской,
приветствие доброе – дятлов стаккато
вселяет в усталое сердце покой.

Здесь тенью Тургенев скользнёт по опушке –
с охотничьей сумкою через плечо,
здесь, если хотите, годами кукушки
одарят щедрее, чем где-то ещё.

Ладони к нежаркому солнышку тянет
плакучая ива, бормочет родник...
Сюда не летают инопланетяне –
уж больно прозрачен здесь воздух для них.

ОГОНЬКИ

На округу вечер лёг
Шапкой-невидимкой.
Но не гаснет огонёк
За туманной дымкой.

Свет ли позднего окна,
На лугу костёр ли?
Комом смутная луна
Застревает в горле.

И когда невмочь от бед,
И надежды нету,
Сквозь туман идёшь на свет
И выходишь к свету.

Как спасенье от тоски
И примета силы,
Золотятся огоньки
В пасмурной России.

КРАСОТА

Испокон таится в лёгком плеске
Волжских разбегающихся вод,
Под Орлом в берёзовом подлеске
Водит свой неспешный хоровод.

Ни границ не знает, ни масштаба:
И в Москве, и где-нибудь в Ельце
Красота – беременная баба
С Божьим откровеньем на лице!

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то –
Двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
С колодезным журавлём:
– Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

У БРОДА

С полудня у брода
Скопление народа –
Застряла подвода
В разливе реки.
Посредством домкрата,
Кобылы и мата
Пытаются сдвинуть
Её мужики.

Савраске, бедняжке,
Приходится тяжко –
По крупу гуляет
Разнузданный кнут.
Сто двадцать три раза
Назвали «заразой»
И маму, покойницу,
Грубо клянут...

Поближе к закату
Собрались девчата,
Гармонь застрадала,
Плеснул хоровод...
Сегодня у брода –
Костры до восхода!
Подвода стоит,
А веселье идёт.

КРЕСТЫ

Деревенька возле леса,
До погоста – полверсты,
Не признавшие прогресса
Там корявятся кресты:
На часовне – золочёны,
Над могилами – черны.
Покосились обречённо
Под напором тишины.

В жизнь приходим только в гости
И ложимся под кресты,
Упокоясь на погосте...
Смерть не терпит суеты.

СТАРЫЙ ДОМ

Срубленный мастером Фокою
При Николае-царе,
Ночью вздыхает и охает,
Супится на заре.

В пику столетью жестокому
Выстоял – повезло.
Подслеповатыми окнами
Щурится на село.

Грузно осел на завалинку,
Ставнями шевеля...
Август. Деревня Каменка.
Стонущие поля.

РОДИНА

Дойдёшь до чёрного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мама?.. Всё ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго.
Сверни у чёрного столба –
Нет выше долга.

ВОРОЖЕЯ

Ходили слухи: бабка – ведьма,
Мол, ей и сглазить – плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи – не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,
И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирилась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

ДЕДУШКА

Улыбнётся – лучики-морщины
в солнце собираются у глаз.
Вынимает ножик перочинный,
чурочку щепая на лучины,
затекает медленный рассказ.

Говорит про первую ракету,
про тайгу, про реку Енисей...
Говорит, как будто по секрету
доверяет опыт жизни всей.

Раскрывают рты не только внуки –
со всего посёлка ребятня.
А большие дедушкины руки
превращают чурочку в коня.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Рубили сад. Летели щепки.
Невдалеке стоял старик
И в кулаке зажатой кепкой
Не выпускал из горла крик.

На землю падали деревья,
Летели яблоки вразброс...
Слиянье города с деревней
На Спас точнёхонько пришлось.

Колхоз шагал с прогрессом в ногу.
Так повелось с далёких пор:
Урбанизации дорогу
Всегда прокладывал топор.

СЕНТЯБРЬ

День покуда ясен,
Небосвод высокий.
Рыжегривый ясень
Оттенён осокой.

Камыши скрипуче
Клонятся над поймой.
У далёкой тучи
Вид слегка разбойный.

Кажется возможным
Полететь, как птица...
Русь ещё тревожным
Хлебом колосится.

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
Запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
– Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Смешно. Он три прошёл когда-то,
И нет надёжнее солдата
Ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
Не обходилась так судьбина
Ни с кем: сперва лишила сына,
Затем – поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредёт, как в полусне.

Кузьмич бредёт, как в полусне,
Туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль припёрся,
То, что доступно по цене?

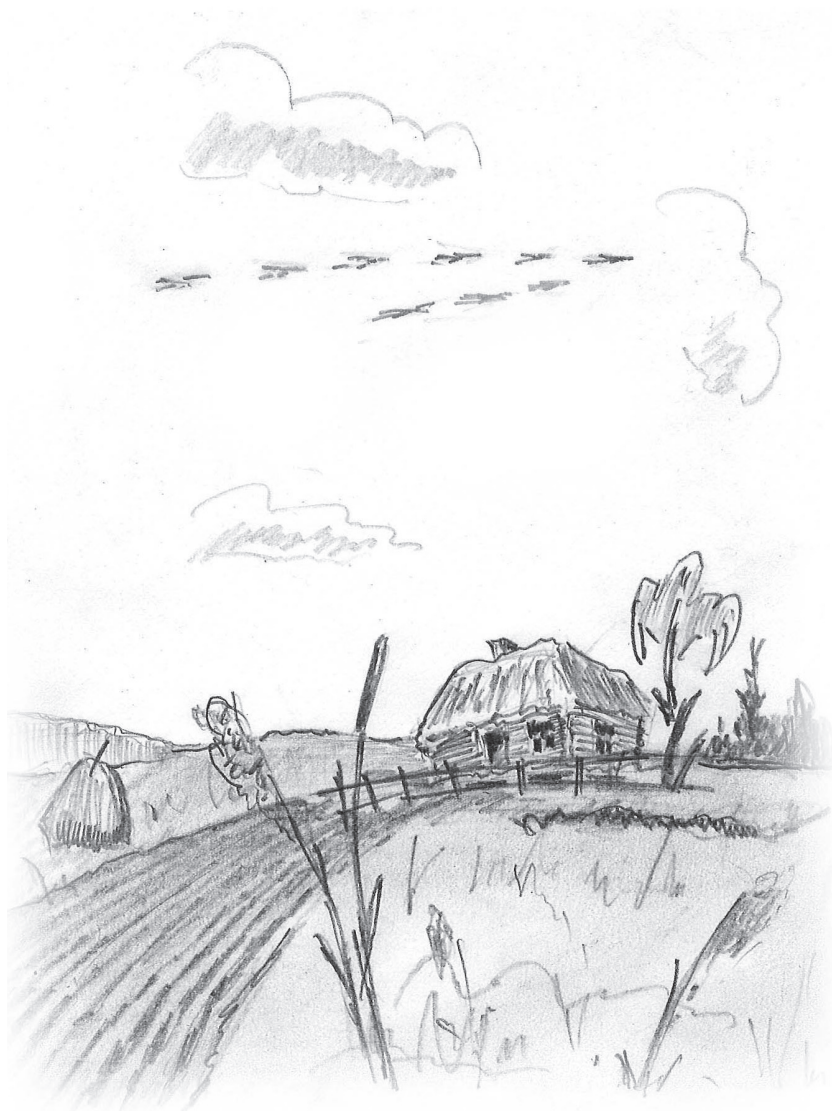
А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
Отдаст всё это по весне.

ПРЕДЗИМЬЕ

Спят за увалом поля,
Осенью переболели.
Перебродила земля
Выдохом гнили и прели.

Зябко нахохлился стог
Ворохом ломких смятений.
Тучи бегут на восток,
Бросив в лугах свои тени.

Стынет на склоне холма
Полуразобранный трактор.
В тёплой ушанке зима
Гулко шагает по тракту.

СТРОЙКА

Домишко скромный –
стена в кирпич –
полгода строил
старик Кузьмич.
Село ворчало:
не тот, мол, пыл,
у Кузьмича, мол,
не хватит сил,
ровесник века –
не совладать...
Кузьмич кумекал,
где тёс достать.
Залил фундамент
и начал класть
на камень камень,
перекрестясь.
Стропила, кровля –
не на авось.
Забил к Покрову
последний гвоздь.
Приладил двери
и вытер пот:
– Ну, кто не верил?
Глядите – вот...
Присел в сторонке
и вдруг... чихнул.
Как о приёмке
акт подмахнул.

СЛУЧАЙ

...На глупость сетуя свою,
Стоял возница, мокр и зол.
А конь, попавший в полынью,
Не шёл ко дну...
Никак не шёл!

Острее бритвы кромка льда
Кромсала выпуклую грудь,
И чёрно-бурая вода
Зияла, как последний путь.

А своеволие реки
Влекло безудержно под лёд.
И говорили мужики:
– Такая сила пропадёт!..

ШАТУН

Избегая натоптанных троп,
Неожиданно вышел к селу
И присел в ноздреватый сугроб
За приземистую ветлу.

Отдохнув, разворочал подвал
На отшибе стоявшей избы
И задворками поковылял,
Опасаясь возможной стрельбы.

Не охочий спросонья до драк,
Наугад, как от вьедливых мух,
Отмахнулся от местных собак,
Покалечив нечаянно двух.

И ушёл на замёрзшую гать –
Косолап, кособрюх, косорот...
Попытается лечь досыпать,
Убедившись: житуха – не мёд.

БЫЛИНЫ

Селеньице Былины.
Ухабы да бугры.
Здесь больше половины –
Бесхозные дворы.

Давно деревню эту
Метлой житейских вьюг
Развеяло по свету,
Не тронув лишь старух.

Куда пойдёшь от дома,
В котором прожил век,
Где тишина знакома,
Как близкий человек?

Не гаснут в хатах свечи,
Блюдутся все посты.
До города – далече,
До неба – полверсты.

СОВХОЗ

Посёлок был иных не хуже:
Цеплялись к брючинам репы,
Свинья похрюкивала в луже,
В пыли плескались воробьи.

Шагали гуси по-матросски,
Здрав носы, в обход свиньи.
Штанами вытертые доски
Гордились, что они – скамьи.

Имелся сквер перед конторой –
Там старики ещё с утра
Вели отчаянные споры
На тему «завтра и вчера».

На крыше клуба кот мурлыкал,
Брела корова наугад.
Гранитный вождь упрямо тыкал
Рукою в огненный закат.

СОСЕД

В прошлом – инструктор обкома,
Ныне – сутулая тень,
Прочно сидит возле дома,
Облокотясь о плетень.

Став одиозной фигурой,
Сник прошлогодней травой.
Он – ни весёлый, ни хмурый,
Будто бы и неживой.

Изредка выстрелит кашлем,
Изредка вздрогнет во сне.
Мыслями – в светлом вчерашнем,
Телом – в сегодняшнем дне.

СТОРОЖ

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину – шагов сто двадцать,
Двести семьдесят – в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

ХОЗЯЙКА ЯБЛОНЕВОГО САДА

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны –
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна –
Мол, коту под хвост труды, –
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё стращает пацанву:
– Вот ужо, кого споймаю –
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
– Дурна старуха –
Нешто слопать всё одной?

ПО ДОРОГЕ НА ДАЧУ

В гору трудно, тяжело
Тащит дед велосипед.
По причине груза лет
Не забраться на седло.

По дуге обходит грязь,
Вспоминает об одном:
Как, трезвоня и смеясь,
Ехал с горки пацаном.

Вырисовывая штрих,
Трёт обочину педаль.
Впереди – такая даль,
За спиной – лишь яркий миг.

ТУМАН НА ОКЕ

Неожиданно вальяжен
И расплывчат, как намёк,
Не примериваясь даже,
По-хозяйски прочно лёг
На холодный камень пирса,
На сигнальные буйки...
Не понять: с небес спустился
Или всплыл со дна реки?

В АВГУСТЕ

В августе небо ближе к земле...
Липы листвою ложатся под ноги.
Будто в былом старикашка убогий,
Ветер копается в рыжей золе.

В глади реки, как в зеркальном стекле,
Зримей стократ неизбежность итога.
Чаще мольбы долетают до Бога –
В августе небо ближе к земле.

Холодает.
Судорожно птицы
Рвут на части сумеречный воздух.
Дальние пугливые зарницы
Оседают инеем на звёздах.
Сквознякам залётным на потеху
Грач зашёлся кашляющим плачем.
Гулкое, пронырливое эхо
Беспардонно шастает по дачам.
Холодает.

Стынет.

Но при этом
Жизнь для всех желанной остаётся,
А тепла, накопленного летом,
Хватит нам до будущего солнца.

Над Окой порыжели туманы.
Старый тополь, качнув головой,
Выворачивает карманы
И рассеянно сорит листвой.

Лето кончилось. Это грустно.
Погляди-ка, и в мой огород
Тощий заяц пришёл за капустой,
А капусты опять недород...

Я не люблю осенний лес,
Как тайну, ставшую доступной.
Летевший летом до небес,
Суровый, грозный, неподкупный,
Теперь он выпотрошен, гол,
И не пугает старым лешим
Худых берёзок частокол
На фоне выцветших проплешин.
И дуб, замшелый ветеран,
Мельчает в воздухе провислом, –
Так с трона сброшенный тиран
Вдруг предстаёт больным и лысым.

АГРОНОМ

Может, вы о нём слышали, –
спорить не возьмусь, –
просыпался с петухами,
брился наизусть.
Ставил мерина в оглобли,
отводил плетень,
понукал – вороны глохли
за́ пять деревень.

Вдоль дорог стога мелькали,
ёжилась стерня,
впереди всходили дали
в свете трудодня.
Громыхая на ухабах,
вслед за ним неслоь
необъятного масштаба
бодрое «авось».

КОСТОМАРОВКА

Между городом и селом
Свой особый блюдет уклад.
Говорят, что идёт на слом –
Тридцать лет уже говорят.

Но всё так же сады цветут,
Так же горло дерёт петух,
Тот же крепкий в домах уют
И ванильный на Пасху дух.

Всяко горе здесь не беда –
По-крестьянски народец прост,
Но усопших несут всегда
На большой городской погост.

КОЛХОЗНИК

Папиросой весело дымя,
балагурит дед возле амбара:
– Мне чего бояться, окромя,
разве что, вселенского пожара?
Ты учёный, сам и посуди:
сто годков топчусь уже по свету –
столечко такого позади,
что и помирать боязни нету.
Всё прошёл... Теперь герой труда,
пенсион имею всесоюзный...
Только помирать-то мне когда?
Летом, вроде, некогда – страда,
а зимой – для правнуков обузно...

КАК ДЕД ПОМИРАЛ

Хату выстелил рассвет
зябкими лучами.
Ноги с печки свесил дед,
бабку поучает:
– Буду нынче помирать
не поздней обеда.
На помин не вздумай звать
Прохора, соседа, –
он известный дебошир;
остальных позвать бы...
Но особо не транжирь –
чай, оно не свадьба.
Сэкономишь капитал,
высылай до дочек –
Прохор в «Вестнике» читал:
жизнь в Москве не очень.
Сын, тот выкрутится сам –
бизнесмен, поди ты...
Ну, давай прощаться,
ТАМ нету волокиты...

Стал смиренно смерти ждать –
выбрит, отутюжен...
К ночи слез с печи опять:
– Собирай, мать, ужин...

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
Невзирая на серенький дождь,
Шумно, весело едет венчаться
Из обеих семей молодёжь!

Чинны сваты, задиристы сватьи,
Поцелуи по-русски – взасос,
На невесте шикарное платье,
Море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
Пир горой...

Да ведь речь не о том.
В этой, Богом забытой, деревне,
Почитай, уже есть третий дом!

ХРАМ

Храм рождался тяжело,
Туже истины.
Собиралось всё село
Возле пристани.

И стучали молотки
Лето целое.
Поднималось у реки
Чудо белое.

В небеса взметнулся крест
Ярким всполохом.
Долгожданный Благовест
Грянул колокол!

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Висели дома на высоких дымах –
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвёртой по счету печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
– Спаситель воскрес!..

ДОМ

Дом построен.
Ещё не остыли
Зубья пил и бойки молотков.
Срублен он мужиками простыми –
Вот, послушайте тех мужиков:

- Ох, наличник..! Спасибо Емеле...
- Птах весной прилетит под застрех...
- Бог помог – до Покрова поспели...
- Так теперь и по чарке – не грех...

А потом расходились по трое,
Окликая осеннюю тьму.
Дом построен!
Всем миром построен!
Значит, мир будет в этом дому.

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница –
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

**Я С ТОБОЮ
О ЛЮБВИ
ГОВОРЮ**

ШОСОХ

ОТЪЕЗД

Поцелуи, прощальные речи:
«Как доедешь – письмо напиши!...»
По стакану – за скорую встречу
И для снятия камня с души.

Снисходительный взгляд проводницы:
Мол, решать-то единственно ей –
Дать возможность спокойно проститься
Или поезд отправить скорей.

Что-то всё-таки не досказали,
Что-то всё же недорешено...
Загрустило родными глазами
Отъезжающее окно.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В мои заботы не вникала,
И я не лез в её дела.
Светила лампа вполнакала
На пограничный край стола.

Бокалы тренькали: «За встречу!»,
Скучал на блюде апельсин.
Водой разбавленные речи
Поспешно выбились из сил.

ГОРОДСКАЯ

На селе артисток мало,
Эта – тоже не «звезда»:
Год куда-то поступала –
Не попала никуда.

Недовольна небесами,
Будто ждёт всегда дождя,
Водит пыльными глазами,
До округи снисходя.

Тет-а-тет не допуская,
Как хрустальный, держит стан.
Что тут скажешь, городская –
До неё, поди, достань...

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

В старом кресле уснула Оксана,
Светлый локон упал на плечо.
Синий томик новелл Мопассана
Не остыл от событий ещё.

Как же книжная жизнь интересна!
И во сне губы шепчут: «Mon chere...»
В струнку вытянулся у кресла,
Как недремлющий стражник, торшер.

ЖЕНЩИНА У ОКНА

Стоит, задумавшись о чём-то,
Попробуй выведай – о чём?
Проём оконный перечёркнут
Летящим наискось плечом.

Попала в плен к воспоминаньям –
Судьба пытала на излом.
Стекло оплавлено дыханьем.
Январь дымится за стеклом.

Давно погасла сигарета,
Сгорев до фильтра целиком...
Я эту даму видел где-то,
Я с ней когда-то был знаком.

СВАТОВСТВО

Насупленный штакетник,
Два пристальных окна...
В руках моих букетик,
В коленях – слабина.
Внезапный скрип калитки,
Как властный окрик – эй!..
Я медленней улитки
Ползу к судьбе своей.
До онеменья страшно
В отчаянье гадать:
Что если твой папаша
Не хочет тестем стать?
Что если мой букетик –
Совсем не аргумент,
И мать твоя ответит
Категоричным «нет»?..
Я делаюсь отважным
И злым, как во хмелю, –
Одно, одно лишь важно:
Что Я
ТЕБЯ
ЛЮБЛЮ!

Женщина глядит издалека
На леса, поля и облака.

На моря и горные луга
Женщина глядит издалека.

И вмещает всё это шутя
В безмятежно спящее дитя.

СЕМЬ ЛЕТ

Не спеша вдыхал рассвет
Запах сеновала.
– Мне б прожить с тобой семь лет, –
Ты тогда сказала, –
Их хватило бы с лихвой,
Пусть не очень много...

Пахло скошенной травой
От тебя и стога.

Много радостей и бед
Нам судьба дарила.
Вот и минуло семь лет.
Надо же, – хватило!

НЕ ПАРА

Он не мог любить другую,
Эту же – терпеть не мог.
Вот и тыкался вслепую
В перекрестия дорог.

И она при редкой встрече
Гордо тешилась игрой,
А потом комкала вечер
Над подушкой сырой.

Вместе быть нельзя им было,
Врозь сгорали от тоски...
Хромоногая кобыла
Ковыляла вдоль реки.

ТАНЮХА

Вновь за окошком слякоть,
Серых дождинок вязь –
Повод неслышно плакать,
От дочерей таясь.

Старый жених отвергнут,
Новый – как младший брат.
Тлеет в бокале вермут.
Карты любовь сулят.

Глаз синева хмельная
Вылакана до дна...
Всё на пути сминая,
Снова грядёт весна.

ЖЕНЩИНА ПЛАЧЕТ

Женщина плачет безмолвно, устало,
Неутешимо и жалко –
Может, любимая брошка пропала
Или завяла фиалка?

С тихим шуршанием на подоконник
Падают рыхлые тени.
Будто урока незнающий школьник,
Мнётся мужчина в смятенье.

Женские слёзы всегда что-то значат,
И потому для мужчины
Хуже всего, если женщина плачет,
Не объясняя причины.

ОДНОЛЮБ

Нёс, как вылинявшее знамя,
Жизнь, полученную в рассрочку.
Всякий раз, расплатившись с долгами,
Выпивал по ночам в одиночку.
Иногда, словно выключив разум,
Озирался вокруг виновато
И влюблялся по сотому разу
В ту, с которой расстался когда-то...

СИНЯЯ ПТИЦА

Наврала, улетаю:

– Отмучился,

наслаждайся теперь одиночеством...

– Ты вернёшься? – спросил.

– Как получится.

А имела в виду:

как захочется.

БЫВШИЕ

Вспомнив тень бывшего долга,
Повстречались ненадолго –
На день, может быть, на два:
Схожестъ сделанных ошибок
И пинг-понг полуулыбок...
И слова, слова, слова...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ушла, сказав: «Неинтересно
пропасть с тоски во цвете лет...»
Остались стол, кровать, два кресла
и остывающий обед.

Волной обрушилась усталость,
и полумёртвое «Постой!..»
висеть бессмысленно осталось
в пространстве комнаты пустой.

...Вернулась.
Походя и мило
смахнула пыль минувших зим,
как будто просто выходила
минут на двадцать в магазин.

ССОРА

Помню, как падал бокал со стола:
Медленно, неотвратно...
Вечность с момента падения прошла,
Много в себе уместила:
Сотню рождений и сотню смертей –
Вот вам стекляшка простая.
Падал бокал...
А тревожная тень
Билась об пол, вырастая.
И за секунду до взрыва стекла,
Не сомневаясь нисколько,
Ты уже следующий взяла.
Дальше... осколки, осколки...

РАЗЛАД

Звёзды под утро припухли.
Шорохи вязнут в тиши.
Ссорятся молча на кухне
Две забубённых души.

Может, всего-то и надо:
Просто друг другу помочь
Вспомнить причину разлада, –
Вдруг и закончится ночь?

...День в палисаднике вызрел.
Оба признали вину.
Вздых облегченья, как выстрел,
С треском порвал тишину.

ЛЮБОВЬ

Страсть уходит.

Остаётся

Ровный круг тепла и света –

Будто ласковое солнце

В самой середине лета.

Пониманье с полужеста,

Молчаливая порука

И спокойное блаженство

От присутствия друг друга.

Лик Николы-чудотворца

И чертополох над дверью...

Страсть уходит.

Остаётся

Радость полного доверья.

Я не знаю,
Много ль мне от жизни надо.
Жаловаться, вроде бы, и грех:
Есть жильё – и то уже отрада,
В нём живёт прозрачный детский смех.
В нём живут падения и взлёты,
Радость – другу, ненависть – врагу,
Разные по тяжести заботы, –
Бременем назвать их не могу.
Каждый новый день запоминая,
Я не тороплюсь судьбу прочесть.
Много ли мне надо? Я не знаю.
Может, то, что было и что есть.

ТРИПТИХ

1.

Стало, кажется, теплее...
Вот и двинулись снега:
Вдоль окраинной аллеи,
Дальше – за город, в луга.
Там набрякли и оплыли,
А расквасятся едва –
Из-под них попрут полыни
И другая трын-трава...

2.

Становлюсь сентиментален.
С каждым мартом всё ясней
Слышу выдохи проталин
Сквозь галдёж весенних дней.
И последним снегом таю,
И к тебе бегу ручьём,
И без умолку болтаю
Обо всём и ни о чём...

3.

Стань же ты ко мне теплее.
Пусть я вздорный и чумной –
Вместе мы переболели,
Перебредили весной.
Лето мирно пережили...
Свинцовееет окоём.
Скоро осень.
Дорожим ли
Тем, что до сих пор вдвоём?

А в мире – пустота.
Мир вылетел в трубу...
Я с чистого листа
Начну писать судьбу.

Впишу в неё всё то,
Что только захочу, –
Мне не указ никто,
И всё мне по плечу!

Пишу, пишу, пишу –
Мир наполняю свой.
Жить и любить спешу,
Пока ещё живой...

Да только деть куда
Лет этак пятьдесят?
Прошедшие года
На мне горбом висят.

Страхнул я морок снов,
И вырвалось из уст:
«Так, значит, мир не нов?
Так, значит, мир не пуст?..»

НАТАШКА

Гладью вышита рубашка,
Юбка-клёш – китайский шёлк.
Хороша собой Наташка!
Ей семнадцатый пошёл.

Из глазёнок брызжут бесы,
С губ струится сладкий яд.
Все окрестные повесы
Обезврежены подряд.

Промелькнула в коридоре,
Недоступностью маня,
И – какое, право, горе! –
Не взглянула на меня.

Сгораешь, жизнью опечалена,
Быстрее, чем тонкая свеча...
Влюбляйтесь, девушки, отчаянно,
В любви корысти не ища!

И у родителей неспрошенно,
И не страшась людской молвы,
Влюбляйтесь, милые, хорошие –
Должны, должны влюбляться вы!

Ведь бабья долюшка безжалостна:
Не возвратит потом ни дня...
Влюбляйтесь, девушки, пожалуйста!
В кого? Да хоть бы и в меня.

Картина мира такова:
Внизу – зелёная трава,
Вверху – свод неба голубой,
А между ними – мы с тобой.

Наискосок – течёт река,
На заднем плане – тёмный лес.
А мы стоим – в руке рука,
И между нами – интерес.

Всё у тебя по полочкам,
всё-то уже там есть...
Как сквозь ушко игольное
мне в твою жизнь пролезть?

Круг твоих дел обыденных
вычерчен чьей рукой?
Где ж тебя так обидели,
что незнаком покой?

Мыкаюсь где-то между я
прочных твоих забот
и дорожу надеждою,
что пригожусь вот-вот...

Вместе однажды выйдем ли
к свету иного дня?..
Будь милосердна, выдели
полочку для меня.

Не сон, не явь, а между где-то...
Не разберём ни ты, ни я
Откуда вдруг так много света
В унылом мраке бытия?
Душа, как прежде, неприютна,
Но так беспечна и легка,
Что даже, кажется, нетрудно
Любить тебя издалека...
Но всё ж порою станет жутко,
Коснётся оторопь груди –
Воспринимается как шутка
Моё простое: «Приходи»
И твой ответ: «Нет, лучше вы к нам...»
И от судьбы не убежать...
Друг друга мы, боюсь, привыкнем
На расстоянии держать.

Разболелся, как всегда, некстати,
в сон свалился в середине дня...
Ты, присев на краешек кровати,
долгим взглядом гладила меня.

Взглядом, возвращающим мне силы,
а потом, склонившись надо мной,
ты глазами ласково спросила:
– Что ж не бережёшься ты, родной?

И смотрела долго, кротко, нежно,
так и не дотронувшись рукой,
и в душе, разбросанной мятежно,
воцарялся благостный покой.

...Может, и пригрезилось в горячке,
но теперь я точно знаю: ты
взглядом мои глупые болячки
заживишь верней живой воды.

Подожди,
не спеши,
послушай...
Поплутав по земной пыли,
друг на друга наткнулись души
и одна в другую вросли.

Вдрогнул мир,
покачнулся,
замер,
словно сжатый в одной горсти,
когда встретились мы глазами,
чтоб вовек их не отвести.

Утешения нет в обиде,
вот же,
вот оно, естество:
слышать, слушая,
глядя – видеть!
И важнее нет ничего.

Я с тобою говорю об одном...
О нелепо опоздавшей весне,
о цветах в пыли, о море ночном,
о Чукотке – незнакомой стране.

Говорю, что снова будут снега,
что у времени должок предо мной,
что дорога тяжела и долга,
что усталость – неизбывной виной.

Говорю, как в небе тает звезда,
как на луг ползёт дремучий туман,
как одышливо сипят поезда,
не доехав до неведомых стран.

Как понуро зябнет дождь под окном,
как заря в ночи целует зарю...
Я с тобою говорю об одном –
я с тобою о любви говорю.

ЮГ

Вспоминается всё реже,
К сожаленью, нам с тобой
Городок на побережье
В лёгкой дымке голубой.

Дремлют домики-скворешни.
Воздух хрупок, как стекло.
Продаёт грузин черешни
(Сколько было за кило?)

Над жаровнями распяты
Бастурма, шашлык, самса.
Будто пёстрые заплаты,
По заливу – паруса.

Гаснет тень от минарета.
Взявшись за руки, бредём.
И навзрыд смеётся лето,
Поливая нас дождём.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ЯЛТЕ

Сварливый ветер, с ночью споря,
Порой срывается на визг.
Вчера упало солнце в море,
Подняв фонтан весёлых брызг.

На дне небесного колодца
Блестят ухмылки хитрых звёзд.
Вчера упало в море солнце,
Мир без него почти замёрз.

Луна, повисшая над взгорьем,
Бледна и кажется больной.
Вчера упало солнце в море –
Оно с тех пор кипит волной.

Ты неспроста глядишь встревожено
В глаза изменнице судьбе –
Сегодня звёзды расположены
Не так, как хочется тебе.
Сегодня ветер, впавший в бешенство,
Как пёс, сорвавшийся с цепи,
Припадком ненависти тешится,
Всю ночь бесчинствуя в степи.
Сегодня дуб убила молния –
Он на холме сто долгих лет
Стоял, величия исполненный.
Теперь – обугленный скелет.
Сегодня звёздные пророчества
Верны, и сбудутся на треть...
Ну почему тебе так хочется
Их за грозой рассмотреть?

К ТЕБЕ

И отстал-то лишь на полшага...
На мгновение оглянись:
Не заметил я край оврага –
Оступился, сорвался вниз!

И подхвачен слепой рекою –
Крутит, вертит и гнёт в дугу...
Стань соломинкой под рукою –
Может, выплыть ещё смогу!..

Только знать бы наверняка мне,
Что на будущее дано?
Вдруг судьба мне
 стать чёрным камнем,
Утянувшим тебя на дно?..

Любишь ли, нет ли – неважно мне,
Будет несладко, зови.
Выжат я мелкими кражами
Бесперспективной любви.

Счастье моё торопливое,
Я ведь хочу одного:
Знать о тебе, что счастливая...
Или не знать ничего.

**В МОЁМ
ГРАНЁНОМ
МИРЕ**

ИСОСХ

A small black silhouette of a person walking to the right, positioned at the bottom of the vertical text 'ИСОСХ'.

ДОРОЖНЫЙ НАБРОСОК

Кряхтел стареющий автобус.
И что за сила вдаль влекла?
На жизнь оседлую озлобясь,
Мы выезжали из Орла.

Тянулись слева бесконечной
Широкой чёрной полосой
Поля.
И небосвод отечный
Грозил обрушиться грозой.

А справа, втиснутые в ёлки,
Как инородные тела,
Мелькали дачные посёлки...
Мы выезжали из Орла.

ЕДЕМ!

Пролетаем под мостами,
Зарываемся в тоннели...
Ехать мы уже устали,
Перепили, переели.
Но упорно едем, едем –
Путь стальной исповедим,
Достаём кошёлки снеди
И опять едим, едим...
Едем лёжа, сидя, стоя
Сквозь леса, поля и горы.
Тратим время золотое
На пустые разговоры.
Прибыв к месту назначенья,
Ностальгией раним грудь
И со вздохом облегченья –
В непростой обратный путь...

ПОЕЗД ДАЛЬНЕГО СЛЕДОВАНИЯ

Приковылял издалека,
вдохнул железной кожей.
Привёз чужие облака,
на наши не похожие;
привёз печаль чужих краёв,
чужого ветра веянье
и пассажиров-муравьёв –
полтысячи, не менее.
Стряхнул всё это на перрон,
томим иными далями,
и, позабыв один вагон,
поспешно двинул далее.

БЕЛЫЕ БЕРЕГА

Памяти

Николая Ивановича Родичева

Проводница уж так строга,
Будто главная в МПС.
Еду в Белые Берега
Сквозь насупленный Брянский лес.
Там песок побережный бел,
Точно сахарный рафинад!
У меня там всего-то дел,
Что рыбалка да променад
По исконно грибным местам –
Там чудес и красот – не счесть!
Если нету чего-то там,
Уж не знаю, где это есть...
В ожиданье к стеклу приник,
Чай в стакане остыл давно.
Проводницы тигриный рык
Не даёт распахнуть окно,
За которым светлеет мга.
Разветвляется путь стальной –
Вот и Белые Берега!
Проводница, махнём со мной!..

НОСТАЛЬГИЯ

Кислый запах вокзала,
Несмолкаемый гам.
Ностальгия связала
По рукам и ногам.
Зашвырнул в горячий
От скандалов вагон,
Пожелала удачи,
Оттолкнула перрон.
Сквозь оконную прорезь
Усмехнулась звезда...
Скорый на ноги поезд
Мчит меня не туда.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Город толстым ватным слоем
Оглушила тишина.
Выползает небо злое
Из чердачного окна.

В атмосфере неприязни
И в наشلёпках рыхлых туч
Задыхается и вязнет
Ослабевший солнца луч.

В поднебесном отдаленье
Кто-то свод рванул по шву,
И тревожное томленье
Натянуло тетиву...

НА ДАЧЕ

Низкий столик меж двух рябин,
А на нём колбаса и сыр –
Выпиваю, сажу один.
И люблю весь июльский мир.

Я комар, мотылёк я в нём.
Я давно свои крылья стёр.
Небо алым горит огнём –
Солнце падает за бугор.

Закурю. Я закату рад.
Сам с собою я говорю.
Улыбается мне виноград –
Точно вызреет к сентябрю.

ТИШИНА

Я был один в квартире
У зимнего окна.
В моём гранёном мире
Царила тишина.

Снаружи безголосо
Струился мёртвый свет.
Ни одного вопроса
С намёком на ответ.

Парило величаво
Над вешалкой пальто.
И радио молчало.
И не звонил никто.

ФЕОДАЛ

Застрахованный от «если»
И от всяких прочих бед,
Я сижу в глубоком кресле,
Завернувшись в старый плед.

Льётся в форточку прохлада,
Ветерок шуршит в трубе.
Точно знаю, что мне надо,
Доверяю сам себе.

Самый главный в жизни ребус
Я успешно разгадал:
Дом мой – подлинная крепость,
Я в ней – мудрый феодал.

ЛУЧ

Солнце с раннего утра
Распороло плотность туч –
Моего достиг двора
На излёте тонкий луч.
Слабый, но пробил окно,
Срикошетил о бокал,
Пригубил моё вино
И в трельяже заплутал...

ВОСПРИЯТИЕ УТРА

Еле светает, а я уже мчусь на работу
и улыбаюсь такому ж, как сам, идиоту –
каждое утро я бодро ему улыбаюсь,
возле облезлой чугунной ограды встречаясь.
Небо сырое висит в ожидании солнца,
кажется, свистни –

и вниз оно тотчас сорвётся.

Сплющит в лепёшку

своей многотонной громадой

мир,

окружённый ажурной чугунной оградой,

мир,

где людей не собаки кусают, а люди,

мир,

бесприютней которого нет и не будет...

Всё же я рад за себя и того идиота –

есть у нас общее:

есть у нас дом и работа,

краешек неба, где каждое утро восходы,

и обязательный минимум личной свободы.

НАБЛЮДАТЕЛЬ

В доме напротив – четырнадцать окон,
Будто четырнадцать рыжих заплат.
Если смотреть в шестикратный бинокль,
Как на ладони – соседский уклад.

Свадьбы, поминки, скандалы, измены,
Счастье влюблённых,
усталость больных –
Не утаят даже толстые стены,
Ежели окна имеются в них.

Мир в обрамлении тюлевых кружев
Был и моим до вчерашнего дня.
Был...
Я случайно вчера обнаружил:
Кто-то в бинокль глядит на меня.

МУЗА

Прекрасна в любом проявленье,
Лукава, в общенье легка,
Как быстрое прикосновенье
Случайного мотылька.

В прозрачном свечении вижу
Её моментальный изгиб.
Хотел познакомиться ближе,
Погнался за ней... и погиб.

Не добит ещё делами,
кое-что ещё могу:
в пёстром ворохе желаний
суечусь, кручусь, бегу...
Ухватившись за минуту,
где легко, а где с трудом
строго следую маршруту:
дом – работа – снова дом.

Ночь. Устав скакать и мчаться,
наподобие блохи,
под храпенье домочадцев
принимаюсь за стихи:
навожу на строчки глянец,
сортируя алфавит...
А под утро удивляюсь,
что делами не добит.

ТВОРЧЕСТВО

«Меняется мыло на шило,
А может быть, наоборот...»
Фальшиво, фальшиво, фальшиво!
И в мыслях, и в чувствах – разброд.

Помедлить, вздохнуть, осмотреться...
К чему городить огород?
Но сердце, но сердце, но сердце
Галопом несётся вперёд!

Не сдюжит, однажды взорвётся,
Осколками брызнет вразлёт!..
И тысячу лучиков солнце
В себя благодарно вберёт.

КРУЖОК

– Что слышно в мире нового?
– Там всё старо, как мир...
Вооружась ендовами,
Хлебаем эликсир.
Ведь мы друзья-сподвижники
И, не страшась интриг,
Свои клепаем виршики,
Хваля себя самих.
Забыты муки творчества –
Компания тепла...
А нового так хочется,
Как пива спохмела!

Пусть мне скажут, что я не такой,
Что приметен в толпе городской,
Что «махнул на святое рукой»,
Что я этакий, даже сякой...

Разольюсь карамельной тоской
В невозвратный закат над рекой
И умру просветлённой строкой...
А иначе и жить-то на кой?

ИКАР

Я завидовал птицам с детства:
Только птица парить могла
И в высокое небо глядеться
С расстояния в полкрыла.

Возмещая нехватку роста,
Вверх тянулся, что было сил.
Наконец, из пера и воска
Изготовил подобье крыл.

И взлетел.
И достал до солнца.
И упал.
И повержен ниц...
В небе слава моя несётся
Впереди быстрокрылых птиц.

ИСТИНА

Видимый всем за версту,
Еду верхом.
Был на хорошем счету,
Стал – на плохом.

Виден – читай, не прикрыт
Перед молвой.
Ночью свалили с копыт
Сивку мово.

Я, погрустив о коньке,
В травку прилёг.
Незамечаем никем,
Снова не плох.

ПОЭТ

Николаю Перовскому

Ходит по городу странный поэт,
Ходит и вещие песни поёт.
Кутаясь в зябкий апрельский рассвет,
Будто незрячий, шагает вперёд.

Внешне с другими прохожими схож –
Так же причёсан, обут и одет,
А приглядишься и сразу поймёшь:
Ходит по городу странный поэт.

Посох в руке,
Безотмашистый шаг,
Чем-то нездешним туманится взор...
Каждый проулок ему, как большак,
Шорох любой – будто выстрел в упор.

ВЕСТЬ

Мёртвые буквы
застряли в слезах
горем застигнутой мамы.
Пол зашатался...
Письмо на глазах
Съёжилось до телеграммы.

Небо свесилось устало.
Август звёзды сыпал густо...
Человека вдруг не стало.
Свято место стало пусто.

Присмирели вдруг дубравы,
Знобкий стон поплыл над пашней.
Показалось, лёг на травы
Снег, безвременно опавший.

Мир застыл вполоборота.
И под звёздную порошей
Тихо-тихо молвил кто-то:
– Человек-то был хороший...

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный – упруг.

Ночная тревожная птица
Клянёт ледяную росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно ещё и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться,
И первыми это почуяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскачали.
И сердце застыло в предзимней печали...

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Хлыстом предчувствия потери
Сорвал с кровати, вышиб пот...
Совсем короткий путь до двери –
Как долгий путь на эшафот.
Тревога, рвущая на части
Души натянутую нить...
И раздражение, и счастье –
Соседу надо закурить!

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал – за грош.
И шутил:
– Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
– Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Видно, много на нём отметин –
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
– Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле – совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугуновой
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Выждав длинные гудки
И сумбур дежурных фраз,
Говорю про пустяки –
Врать легко, не видя глаз.

В свой оправданный черёд
Прямо на ухо, в упор,
Собеседник тоже врёт...
Телефонный разговор.

ПРО СОСЕДКУ

Долго не пишется...
Яблони ветка
Лезет в окошко, тихонько звеня...
Тут вот на днях прицепилась соседка:
«Ты, говорит, напиши про меня.
Я ж, погляди-ка, страдаю от веку:
Брошена, дети – сиротки, как есть...»
Как же, ну как объяснить человеку:
Судеб разбитых на свете – не счесть.
Нынче хорошее встретится редко,
Чаще – предательство, злоба, враньё.
Ну а соседка... Да что там соседка!
Я ведь давно написал про неё:
В этом стихе и вот в этом, и в этом –
Долго верёвочку горькую вью...
Нет. Обзывает хреновым поэтом –
Хочет фамилию видеть свою.

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.

Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом
Тех, кто с моим невесёлым уходом
Могут пред миром остаться одни...»

Сорванный лист устремлён в никуда –
То ли падение, то ли паренье.
Дочка вишнёвое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

ДОЧЕРИ

Видишь, небо становится ближе?
И виднее, роднее звезда?
Та, которая будет всегда,
Та, которую я уж не вижу.

Слышишь поле и речку, и рощу?
Замечаешь, что слух стал острее,
Память пристальней, сердце добрей,
Мысль ясней и прозрачней, и проще?

Это значит, полёт уже начат –
Никому его не отменить.
Это значит, ты учишься жить,
Человеком становишься, значит.

ФОТОАЛЬБОМ

Дождь с восторгом встречен лужами –
вон как пенится вода...

У окна, насквозь простуженный,
ворошу свои года.

Здесь я очень-очень маленький.

Ах, как мама молода!

Дом с кирпичною завалинкой,
сад – в нём яблонь два ряда...

Школьный двор. Я чуть встревоженный
с гладиолусом в руке
и, как школьникам положено,
в новом сером пиджаке...

Старый дом, дождями стиранный,
вот с тобой прощаюсь я –
обзаводимся квартирою.

Вот и новые друзья...

Не поспеть за жизнью мчащейся.

Стены техникума... Но
не прилежный я учащийся –
танцы, девушки, кино...

Вот с погонами сержантскими
в ладном воинском строю.
И готовы все сражаться мы,
все – за Родину свою.

Ведь она – одна пока у нас,
друг литовец, друг бульбаш,
Могилёв, Орёл и Каунас... –
весь Союз пока что наш...

Дальше, брызжа многоточьями,
покатились времена:
крах страны, рождение дочери...
Быстро выросла она...

Как судьбу не перелистывай –
чем пытливей, тем больней...
Ветра свист, дорога мгlistая,
тень моя летит по ней...

Всё ещё бурлит и пенится
в лужах стылая вода...
Ах, судьба, годов ты пленница!..

Над дорогою звезда.

УБЕРЕГИ...

Убереги меня, судьба,
Не от невзгод, не от болезней –
От суматохи бесполезной
И от позорного столба.

Не дай забыть своё родство,
Чтоб не краснеть отцу и деду;
Дай счастье знать, что я не предал
На этом свете никого.

Что все свои отдал долги,
Что был не пасынком Отчизне...
От пустяковой, зряшной жизни,
Судьба, меня убереги.

А может, в том и правда золотая:
Смотреть со стороны и видеть, как
Последний лист, с озябших крон слетая,
Полётом наслаждается, чудака.
И слать ему вослед благословенье:
Так, мол, и надо, брат, давай, держись!..
Вцепившись в откровение мгновенья,
Ты утверждаешь истинную жизнь.

КОЛЕСО

Колесо по дороге катилось,
На ухабах стираясь до дыр.
В нём усталая белка крутилась –
Приводила в движение мир.

Ах, как весело спицы сверкали!
Мир раскрученный мнился иным.
Колесу мы кричали в запале:
– Ну давай!..
И летели за ним...

Пронеслось, прозвенело, умчалось
В даль далёкую, за окоём.
Только пыль на дороге осталась,
В нас – инерция. Так и живём.

Так живём, одурманены снами,
В переулках уютных квартир.

Колесо догнивает в канаве.
Белка сдохла.

Но крутится мир!

Я вижу свет,
Я слышу звук,
Не напрягая слух и зренье.
Весь мир с момента сотворенья
Не миновал вот этих рук.
Не пощадил вот этих плеч,
В которых вечная усталость.
А всем, что спелось и сказалось,
Теперь уже не пренебречь.
Но, претерпевши столько мук
И до конца отдавши силы,
С восторгом крикну из могилы:
– Я видел свет!
Я слышал звук!..

**ДЕНЬ
РАСТЁТ
ОЧЕРЕДНОЙ**

ШОСОХ

A small black silhouette of a person walking to the right, positioned at the bottom of the vertical text 'ШОСОХ'.

РАССВЕТНОЕ

Над туманом сад плывёт:
Вишни, облепиха...
Новый день больших забот
Народился тихо.

Он покуда ничего
Никому не должен.
Не омыл пока его
Беспризорный дождик.

Не нагруженный виной,
Еле-еле зримый,
День растёт очередной
И неповторимый.

РИСОВАЛЬЩИЦА

Ольге Соковой

По лицу крадётся бледность.
Белизна – на полотне.
А в квартире – бедность, бедность
И портреты на стене.

Сколько в них незавершённой,
Обнажённой красоты!..
Снег грунтует отрешённо
За окном свои холсты.

Телефон кричит:
«Приеду!
В полдевятого встречай!..»
И заварится к обеду
Желтоватый, скучный чай.

ХУДОЖНИК

Он работал до изнеможенья,
Душу вкладывал в полотно.
По ночам, чтобы снять напряжение,
Пил без меры плохое вино.

Пробуждался с гримасой сатира,
До холста добирался ползком,
Утверждал незаконченность мира,
Всё меняя последним мазком.

Незаметно, как все одиночки,
В откровенно дождливый четверг
Наш художник допился до точки.
И ушёл.
И себя опроверг.

Завершённость реального мира
Воплотилась в пустой мастерской
В недопитой бутылке кефира,
Нарисованной слабой рукой.

ПРОХОЖИЙ

Вышел из дома.
Пунктиром шагов
Вычертил угол отчаянно острый.
Сразу полдюжины мелких грехов
На́ душу принял, пройдя перекрёсток.
Проигнорировал бочечный квас,
Несколько раз отразился в витрине...
Сорок две пары скучающих глаз
Засомневались: а был ли в помине?

ЛОТО

Старушка играет в лото,
Забросив на время шитьё.
Одна – ей не нужен никто.
И нет никого у неё.

В кармашек лорнет помещён –
Не так уж ещё и стара,
И голос не дрогнет ещё,
«Выкрикивая» номера.

Поправив дарёную шаль,
Достала число «двадцать пять»
И затосковала: «Как жаль,
Что некому проиграть».

ПРОТИВОРЕЧИЯ

Вместо сердца работал движок –
Ни секунды напрасно не сжёг.

Говорил:

– Жизнь сама разберёт,
Кто юлил, а кто рвался вперёд...

Шёл, себя не щадя, напрямик
И с размаху уткнулся в тупик.
А теперь и попятиться рад,
Только Время не пустит назад.

СУНДУК

Шёл человек через поле и луг,
Нёс на закорках огромный сундук,
Полный печалей, обид и разлук,
Въевшийся в спину, как старый недуг.

Сочно чернел горизонта излом
Под нависающей глыбой небес,
А пресловутый сундук с барахлом
Был тяжелее, чем праведный крест.

Сам не заметил, как вышел к реке,
И с облегченьем сундук утопил...
Дальше шагая – уже налегке,
Он о потерянной ноше скорбил.

ДУРЬ

Стрелял сорок
Во тьме дурак:
Нажал курок –
И вспыхнул мрак.

И в тот же миг
Упали ниц
Сто тыщ других,
Безвинных птиц...

Тяжка рука
У дурака,
И бьёт всегда
Наверняка.

ЛУНАТИК

Отчётливо видимый снизу
На фоне пятнистой луны,
Лунатик идёт по карнизу
И смотрит чудесные сны.

Луна его светом ласкает,
Любой поощряя каприз.
Счастливый лунатик не знает,
Что кончился узкий карниз.

Проснётся и вспомнит едва ли
Ночной дерзновенный полёт –
С рождения в полуподвале
Тихонько лунатик живёт.

В ПУТИ

Стуки на стыках
Стальных перегонов.
Дали,
Дымы
И гудки.
О горемыках
В плацкартных вагонах
Песни поют сквозняки.

К призрачной цели
По сгорбленным спинам
Дюжих атлантов-мостов.
Сходу – в тоннели,
Вразбег – по равнинам.
В Пензу.
В Саратов.
В Ростов...

РОДЫ В ЛАГЕРЕ ГЕОЛОГОВ

Это ж надо такому случиться!
Озадачен седой проводник:
– По тайге до ближайшей больницы
сотня вёрст, если взять напрямик.
Не успеть. Да и много ли проку
от казённых неласковых рук?
Знаю, есть тут поблизости доктор
повивальных, особых наук:
лет пятнадцать тому на заимке
поселилась под старость вдова,
полоумная бабка Иринка...
вот и выручит, если жива.

...Повитуху привёл лишь к рассвету –
по тайге не проложишь аллей.
У мамыши уж моченьки нету,
а папаша – крахмала белей.
Повздыхала и сделала дело –
не спеша,
с расстановкой,
не вдруг.
Приняла, спеленала умело,
исподлобья взглянула вокруг:
на мужчин, что глаза отводили,
на бесстыдно орущий клубок.
Усмехнулась:
– Ори, коль родили,
ты на жизнь обречён, голубок...

ОДИНОКОЕ СЧАСТЬЕ

Темно в квартирке Надиной,
Лишь тени на стене.
Сынок, в капусте найденный,
Агукает во сне

Игрушки поразбросаны
По пёстрому ковру.
На кухне сохнут простыни
И высохнут к утру.

Над крышей снова аисты.
Эх, дочери-сынки!..
И Надя с тихой радостью
Стирает ползунки.

Жаль, нету обручального
Колечка на руке.
А тишина над спальнею
Висит на волоске.

КОММУНАЛКА

1. Утро

Понедельник. Час рассвета.
Коммунальный коридор.
В ожидание туалета
вяло тлеет разговор.
И вот-вот совсем потухнет,
темнотой углов распят...
Озабоченно на кухне
восемь чайников сипят.
Завтрак. Судорожный выход –
кто к станку, кто на базар.
Дверь жильцов листает лихо,
как услужливый швейцар.

2. Морской волк

Дядя Коля списан с теплохода –
потому в запое третий год,
и его мятежная природа
продыху соседям не даёт:
то швырнёт их в пасть водоворота,
то волной накроет штормовой...
Зря, конечно, изгнан из морфлота,
бывший первоклассный рулевой.
Вот и сам он: в латаном бушлате,

испитой и выпитый до дна,
маятно распластан по кровати,
будто вахта трудная сдана...
Но вниманье: цокают стаканы –
дядя Коля снова «у руля»...
Стойкие к волненьям тараканы
драпают, как крысы с корабля.

3. Зина

У Зины насуплены брови,
житейская складка меж них;
у Зины хромает здоровье,
а тут ещё бросил жених.
И что ему, глупому, надо?
Да, впрочем, и парень-то – так...
Устав от такого расклада,
она попивает коньяк.
Стучится под вечер к соседу,
пытается выдавить смех
и... с треском ломает беседу,
озлобившись:
– А чтоб вас всех!...

4. Вечер

К ночи тягостней промахи власти,
откровенней мольбы стариков –
и коммуна дробиться на части
перещёлком надёжных замков.

Гулко кашляет, пьёт валерьянку,
раздражаясь нахальством луны;
убеждает себя: спозаранку –
на работу во благо страны.
А когда перед самым рассветом
беспокойным забудется сном,
беспардонным охрипшим дуэтом
прогнусавят будильник отпетый
и дежурный петух за окном...

БРОДЯГА

Дыры в карманах.
В глазах полумрак.
Сер.

Бородат.

Неопрятен.

Каждому встречному,
если не враг,
то уж никак
не приятель.

Боком идёт,
никуда не спеша,
чужд

гениальным

сомненьям.

Гулко стучит,
остывая, душа
по придорожным
каменьям.

ПО КРИВОЙ

Издалека домой,
Упруго ставя ноги,
Шёл человек прямой
Да по кривой дороге.

Срезал углы, где мог,
И лез на перевалы,
Поняв: прямых дорог
На свете очень мало.

... Проделал путь большой
В мученьях и мороке
И... окривел душой,
Не выпрямив дороги.

БАЙКА

Дело-то смешное приключилось,
Дело-то – не стоит и гроша:
В собственных потёмках заблудилась
Чья-то бесприютная душа.

Лес не лес, болото не болото...
И уже от страха чуть дыша,
Высмотреть пытается хоть что-то,
Но во тьме не видит ни шиша.

Ладно бы потёмки-то чужие:
Ты туда не суйся – и хорош!
Ну а тут же – на тебе, дожили:
В собственных себя же не найдёшь...

Кто-то скажет: «Знаем байку эту»,
Усмехнётся: «На уши – лапша!..»
Только очень, очень хочет к свету
Выбраться пропащая душа

КУРИЦА

Были песни у звонкой птицы –
Все пропела она когда-то.
Был полёт у высокой птицы –
Отобрал слишком много сил.
И сидит на заборе птица,
Провожает за лес закаты
И топорщит нелепо крючья,
Что остались от прежних крыл.

БЫЛЬ

Под красной крышей черепичной,
Направо, сразу за мостом,
Стоял бревенчато-типичный
Обыкновенный старый дом.

Гостеприимный, в три окошка;
Жила в нём дружная семья:
Старик, старуха, Жучка, кошка
И симпатичная свинья.

Бывало, вместе соберутся
И чай до самого утра
Пьют – кто из чашки, кто из блюда,
А кто и вовсе из ведра.

Легко и просто, без напряжения –
Такие были времена.
И даже свинка-симпатяга
Не напивалась до пьяна.

ОКОНЧАНИЕ БАЛА

Веселье сходило на нет.
Но гости ещё не зевали,
Ещё на столы подавали,
В обильно потеющей зале
Ещё петушился кларнет.
Ещё кисловатый шербет
Недолго держался в бокале,
Ещё полутени мелькали
В настенном зеркальном овале...
И всё же по ряду примет
Веселье сходило на нет.

ПОРТРЕТ СТАРЕЮЩЕЙ ДАМЫ

Заплетя узлом колени,
Оттопырив локоток,
Ждёт от скуки исцеленья,
Томно глядя на восток.

Полог неба серебрится,
С губ слетает ворожба:
«Пусть и нищего, но принца
Подари же мне, судьба!
Ох, уж я бы расстаралась
В широте души своей!..
Только б он хотя бы малость
Благородных был кровей!..»

Но вдали не видно друга,
И опять тоска, тоска...
Приходящая прислуга
Крутит пальцем у виска.

ВЕСЁЛАЯ ВДОВА

Лет десять уже, как она овдовела,
А вот, погляди-ка, ещё хороша:
Неистойвой страстью осеннее тело
Терзает весенняя напрочь душа.

Замазав кокетливым гримом морщины,
Летит на свиданье быстрее молвы...
Былые подружки уже сообщили
Избраннику возраст весёлой вдовы.

ЗВЁЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Ю. Оноприенко

Прагматичный и серьёзный,
Вынырнув из моря дел,
Человек глядел на звёзды,
С изумлением глядел.

Сообразно новой эре
Столько лет преступно здрав,
Он стоял в полночном сквере,
К небу голову задрал.

Звёзды складывал в созвездья –
Лира, Лебедь, Орион...
Бормоча:
– Да в этой бездне
Их, пожалуй, миллион!..

И летел за светом горним
Меж космических равнин...

Заклучил нетрезвый дворник:
– Звезданулся гражданин.

В КОМАНДИРОВКЕ

Остывает пожар объятий.
Удручённо глядит луна,
Как лежат на одной кровати
Чей-то муж и ничья жена.

Добивает будильник старый
Свой, быть может, последний час.
Небо вяло грозиться карой
И прощает в который раз.

А в природе царит истома –
Дело явно идёт к зиме.
Где-то два беспокойных дома
Перемигиваются во тьме.

ПЛОТНИК

В клубках стружечного запаха
он заходит в «общепит».
Карандаш заложен за ухо
и навечно там забыт.

Улыбается раздатчице:
– Накорми рабочий класс...
Возле кассы вдруг артачится,
услыхав:
– Сто сорок с вас.

Всё же платит.
Ест и морщится:
«Вот чем кормят, сволота...»
Вилка
в крепких пальцах смотрится
почуднее долота.

РАБОТЯГА

Сам себе не зная цену,
Слободскою стороной,
Отработав честно смену,
Он идёт слегка хмельной.

Смысл – и в жизни, и в работе –
Видит он издалека.
Зависает на отлёте
Тяжеленная рука.

Дома ждут кормильца дети,
Мать, отец, жена с борщом,
И за пьянку на две трети
Ими он уже прощён.

БОБЫЛЬ

Под сочащимся ржавчиной краном
Торопливо стирает бельё,
Объявляет войну тараканам
И проигрывает её.

Вечерами вздыхает устало,
Как в период страды тракторист,
И заглатывает сериалы,
Поминутно влюбляясь в актрис.

Поливает щетинистый кактус,
Не надеясь, что тот зацветёт.
Если спросишь участливо: «Как ты?»,
Угловато плечами пожмёт.

ОТШЕЛЬНИК

Молоко в пузатой кринке,
Аккуратная постель.
Ни пылинки, ни соринки –
Словно ждал всю жизнь гостей.

ВЫХОДНОЙ МОНАХА

Будто бы солдатик в увольнение,
Рясу отутюжив, как мундир,
Вышел в благодушном настроенье
Из монастыря в обычный мир.

Зашагал по улице – той самой,
Что сочилась ядом бузины,
Взгляд неся, как подобает сану,
Выше прочих смертных и весны.

... Шёл назад, кривя во рту проклятья –
Мир, увы, прибежище лжецов,
Словно заглянул за вырез платья –
Сам себе противен и пунцов.

И навеки заточился в келью,
Поминутно истово крестясь...
А в миру так сладко пахло прелью,
И в канавах подсыхала грязь.

В ОПАЛЕ

Он откушал осетринки.
Он потягивает скотч
в шумном обществе блондинки,
словно камешек в ботинке,
опостылевшей – невмочь.

Грузен. Мрачен. Недоверчив.
Словно галочкой в графе,
крепко-накрепко приверчен
к доампировской софе.

Без обычного азарта
приласкал нагую ночь.
А блондинку послезавтра –
он решил – прогонит прочь.

ГЕОМЕТРИЯ

Поработало время лекалами,
в полукружия сгладив углы:
и слова и дела – обтекаемы,
даже души, как тыквы, круглы.

Тишь да гладь,
да немое безветрие,
не вращаются ветряки.
Не приемля такой геометрии,
стали вдруг умирать старики.

**В ЗОРЕВЫХ
ТЯЖЁЛЫХ
РОСАХ**

ШОСОХ

A small black silhouette of a person walking to the right, positioned at the bottom of the vertical text 'ШОСОХ'.

*«Телегой движет воля божья.
А потому – ей чёрт не брат».*

Геннадий Попов

Петляет в сумерках дорога,
Ей и назад – всегда вперёд.
И волей путника и Бога
Очерчен каждый поворот.

Её движение незримо,
Как неосознанный разбег.
Тень векового пилигрима
К ней приторочена навек...

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Время летело вкось,
Готово вот-вот упасть.
Майор непонятных войск
Примеривал новую власть.

Роты блестящих слов
Строились в армию фраз.
Била по нервам новь
И не щадила глаз.

Дворник дремал в углу,
На стыке новых держав,
Из нового лишь метлу
Старой
Хваткой
Держал.

ПЛАХА

Пять топориков бесменно
Суетились до утра –
Подготавливали сцену
Для большого топора.

И когда рассветной стужей
Истекли глазницы звёзд,
Не очищенный от стружек
Встал над площадью помост.

Опьяняет запах тёса,
Плаха – тот же пьедестал.
Только, кто сюда вознёсся,
Ниже нá голову стал.

ПОЖАР

Пылала барская усадьба.
Из «Искры» – пламя!
Вкруг костра,
косноязыко, будто свадьба,
качалось пьяное «ура».

Хозяин, съёженный и жалкий,
как гном,
в дурацком колпаке,
в прожжённом бабьем полушалке,
с ненужной свечкою в руке
от человека к человеку
сновал сквозь вспыхнувшую ночь:
молил спасти библиотеку,
как будто собственную дочь...

Пылало барское именье.
А средь огня, как на посту,
являл собой непротивленьё
Толстой в картонном паспорту.

РЕКА

Заросли чертополохом
И крапивой берега.
Нашим «ахам», нашим «охам»
Соболезнует река.
И течением гонимы,
Рядом – руку протяни –
Проплывают мимо, мимо
Разукрашенные дни.

На шипах оставив кожу,
Кто-то прыгает в поток,
И его уносит тоже,
Будто сорванный листок.
Слышен крик:
– Ах, как неплохо
Было жить на берегу,
В тишине чертополоха
Прозябать и – ни гу-гу...

Картина российского быта:
старуха с разбитым корытом,
старик тянет невод дырявый,
а рыбка грустит под корягой
о том, что со смерти поэта
два века прошло, но при этом
российского быта картина
всё та же – разор и рутина.

Как на дежурстве,
 бодрясь через силу,
кажется: вот упадёт,
Время раздумчивым
 центром России
тяжеловесно бредёт.
Здесь у мгновений
 разбег черепаший,
в душах осенний покой.
Завтрашний день
 повторяет вчерашний, –
на эти хаты, дороги и пашни
Время махнуло рукой.

ДЕРЕВНЯ

Над деревней шелестят облака;
Сквозь деревню пробегают века;
И речушка шириной в два плевка
За веками устремилась, легка.

Над речушкой сгнили брёвна – мосты;
По дворам полки крапивы густы;
Все четырнадцать домов не пусты –
Там бродячие ночуют коты.

Быстрокрылой тенью полоснул стриж
По конькам давным-давно худых крыш;
Обречённо пискнула в стогумышь...
Снова мёртвая кругом тишь.

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
Разума своего:
Взглядом пронзит тяжёлым,
И не удержишь слёз.
Папёрть метёт подолом,
Что-то бубнит под нос.
Скорбный, как шорох листьев,
Голос его дрожит.
И от колючих истин
В страхе народ бежит.

ПАМЯТНИК

Низко на брови надвинута кепка,
Едкое в горле застряло словцо.
Длинно глядит, вознамерившись крепко
Новое время запомнить в лицо.

Видит деревни, разверстые настезь,
Холод и ветер вселились в дома.
Каждое поле – унылая пустошь,
Каждая доля – сума да тюрьма.

Видит заводов холодные трубы,
Хмурится, страшным закатом распят.
Стиснуты плотно гранитные губы,
Мысли гранитные тяжко скрипят.

КАНУН 7-го НОЯБРЯ

Мы пройдем чеканным шагом
Под оркестров звонких медь,
Будет ветер щёлкать флагом,
А гвоздики пламенеть!

Будут песни, будут речи,
Будет что-нибудь ещё,
Будут слиты наши плечи
Во единое плечо!

Будет ласково с портрета
Улыбаться старичок...
Будет, будет (было?) это!..

За стеной притих сверчок.

ЗАТИШЬЕ

Слабеющий зайчик
последнего солнца
с церковного купола
падает вниз
и между крестами
уныло плетётся,
и вязнет в пыли
позабывших гробниц.
Глядит исподлобья
больная собака,
Прижав к животу
леденеющий хвост.
Мохнатым крылом
неминуемого мрака
склоняется небо
на тихий погост:
тревожно и медленно,
будто немилость
ниспослана Богом
на здешний приход.
И если ещё ничего не случилось,
то лишь потому,
что случится вот-вот...

ПРОВОДЫ

Впереди был дальний путь,
Провожали стонами.
Плач прощальный «Не забудь!..»
Бился над вагонами.

Тяжело вздыхал баян,
На печаль настроенный, –
Пел о том, что нету стран
В мире лучше Родины.

Так велось со старины:
С поводом, без повода,
Даже если нет войны –
Со слезами проводы.

БЕЖЕНЦЫ

Даль дорожная – скопище пыли.
Ночь черна и котомка пуста.
Люди здесь по-звериному выли
На обочине у креста.

Отрыдав в придорожную глину,
Только крепче сжимали уста.
Дальше шли, проклиная судьбину.
За версту заплеталась верста.

ВДОВА

Муха бьётся в паутине.
Красный угол. Образа.
Две огромные пустыни –
Заболевшие глаза.

Шёпот сгорбленной свекрови:
– Не держи в себе, поплачь...
Полетел искать гнездовье
Злую весть принесший грач.

ПОБЕДА

За плешивым косогором,
У кривой реки,
Жизнь закончили с позором
Чёрные штыки.

Ветерок скользит проворный
С берегов Донца.
Истекают кровью чёрной
Чёрные сердца.

Даль, куда достанешь взором,
Вновь белым-бела.
Полегли за косогором
Чёрные дела.

СОЛДАТ

Плывут обочиной луга,
И небосвод плывёт.
Служивый одолел врага,
Теперь домой идёт.

Грудь, как положено, в крестах,
В кармашке – василёк.
Горчит улыбка на устах,
А путь ещё далёк.

И ветра вой ему знаком,
И тихий ропот звёзд.
Ладонь приладив козырьком,
Глядит за тыщу вёрст.

Сползает тень с его лица,
Уходит прочь война –
Ждёт у родимого крыльца
Красавица жена.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Неуклюже спустился с пригорка,
И себе, и другим незнаком,
Солнцем выбеленная гимнастёрка
Отмахнула пустым рукавом.

У разбитого бомбой парома
Постоял, доставая кiset,
Затянулся и выдохнул: «Дóма...»
Над руинами цвёл бересклет.

ПАМЯТЬ

Отец шагнул в родимый дом
Из огненного круга.
Четыре года сын с отцом
Не видели друг друга.

Война впечатала свой след
В их судьбы, точно в глину.
Отцу исполнилось сто лет,
Четыре года – сыну.

Суровый, будто трибунал,
Молчит в дверях мужчина.
Пацан родителя узнал,
А тот не вспомнил сына.

МУЖИЦКИЙ РАЗУМ

Избу поставить – разом!
Работа не за страх.
Гудит мужицкий разум
В мозолистых руках.

На море и на суше
В любых делах мастак.
Он даже бьёт баклуши,
Отнюдь, не абы как.

Прочищен, водкой смазан,
Под кнут поставлен – ну!
Сопит мужицкий разум,
Прёт на себе страну.

ИДУЩИЙ ПОПЕРЁК

Превозмогая боль,
Суровый, как пророк,
Ходивший прежде вдоль
Шагает поперёк.

За ним идёт толпа
И ловит каждый жест.
Визгливая труба
Разносит весть окрест.

Тесней людской поток,
Слышней в округе звон...
Идущий поперёк
В святыне возведён.

РЕПЕЙ

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Живёт адептом строгих схим,
Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

МУРАВЕЙ

Не поднимая головы,
Через песчинок горы,
Через высокий лес травы,
До дальнего забора
Нести ответственную кладь
Доверено тудяге,
И значит, будет он шагать,
Твердя при каждом шаге:
– Чтоб коллектив не подвести,
Умру, но груз не брошу...
Полно опасностей в пути,
И парень он хороший!
Но жизни всей великий труд –
И нынешней, и прошлой –
Через четырнадцать минут
Погибнет под подошвой.

ТАРАКАНЬИ БЕГА

Старт – задиристо и звонко –
Подхлестнул течение дня,
Началась большая гонка –
Суeta и беготня.

Локоть к локтю,
Волей взмаха
Направляющей руки...
Большинство бежит от страха,
Остальные – от тоски.

И дорожку не покинешь, –
Стерегут со всех сторон...
Впереди маячит финиш,
Но никто не чемпион.

СВОБОДА

Сроду не было такого:
Шёл на рынок Евстигней
Покупать свободу слова
За родные сто рублей.

Возвратился через сутки –
Несвободен, сильно пьян.
Вылезая из попутки,
Показал пустой карман.

Объяснил соседу Сеньке,
Нацедив в стакан вина:
– Я б купил, когда б за деньги,
А задаром – не нужна!

ИДЕАЛИСТ

– Счастье где-то за морями... –
Сколько лет уже тому,
Как густыми вечерами
Пела бабушка ему.

Добредя до края света,
Переплыв пятьсот морей,
Убедился – счастья нету,
Но ничуть не стал мудрей.

За спиной последний берег,
Не приветивший мечту.
В сказки бабушкины веря,
Он ступает за черту.

Всё яснее песню слышит
И уже не держит слёз.
Ветер дружески колышет
Гриву пасмурных волос.

ФИЛОСОФ

Он затаился, как паук,
Раскинув сеть сомнений,
Неосязаемых наук
Неутомимый гений.

С окраин разума стеклись
Огни идей случайных.
Трепещет пойманная мысль
На нервных окончаньях.

Смертельно мысль напряжена,
На лбу дымится иней.
Несокрушима тишина
Над мировой пустыней.

БОГАТЫРЬ

Беспутный сын эпохи
Лежит на мостовой –
Уже подвёл итоги,
Но всё ещё живой.

Разбросаны ладони
В иные времена.
В нечеловечьем стоне
Надежда не слышна.

Но скоро, очень скоро
Слетит похмельный сон,
И он своротит горы,
Бесстрашен и силён!

ТАРАКАНЫ

По земле гуляют тараканы,
Засланные, видно, сатаной,
Тихо завоёвывают страны –
Не минуют, знаю, ни одной.

Селятся в домах бесцеремонно,
Чавкают привычно по ночам
И ползут – в порядке моциона –
По делам, по мыслям, по речам.

А уходят – делается пусто:
Ничего – ни плесени, ни тли...
Столько их!..
Уже не хватит дуста,
Чтобы мерзость вытравить с земли.

ОДИН ДЕНЬ

Вызревает день осенний
Над похмельною страной,
Ждёт привычно потрясений,
Отирая пот ночной.
Врёт, назвав себя «субботой»,
Озирается окрест.
С терпеливой неохотой
На плечо приемлет крест.
Чтя бездумно ритуалы,
Шепчет: «Господи, спаси...»
Многотрудный и усталый
Хмурый день Всея Руси.

ЕСЛИ О РУСИ

Если о Руси, как без поля
Шириной не меньше Вселенной?
На Руси судьба – это доля,
Каждый тащит крест тяжеленный.

Если о Руси, как без Бога?
Путь к нему долгонько топтали.
Веры сберегли пусть немного,
Только та, что есть, крепче стали.

Если о Руси, как без песни?
Пой, душа, а я подыграю!
Если о Руси, как без «если»,
Без «авось»,
Без хаты, что с краю?

ПО РУССКОЙ ДОРОГЕ

Проваливаясь в ямы,
Шатаясь и скользя,
Бредёшь вперед упрямо –
Назад уже нельзя –
Туда, где сроду не был,
Ведом своей судьбой.
По-матерински небо
Склонилось над тобой.
Куда ни глянешь – воля,
Куда ни ступишь – грязь.
И любишь это поле,
Рыдая и смеясь.

ПОСОХ

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
– Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

ВИДЕНИЕ

В котомке квас да мятный пряник,
Большою думой светел лик –
В моей отчизне каждый странник
В своём убожестве велик.

Пряма, как лезвие, дорога.
Бела, как помыслы, луна.
Спокойно спит моя страна,
В своём величии убога.

Со старины привычна к боли,
К обилью жертвенных кровей...
Обрывки снов пасутся в поле,
Их караулит соловей.

МОЯ СТРАНА

Преподнесённая на блюде,
С лихвой хлебнувшая вина,
Страна реформ и революций,
Всё испытывавшая страна.
Страна духовного народа
И ниспровергнутых церквей,
Страна, вкусившая свободу,
Уже пресыщенная ей.
Страна, воспевавшая берёзы
И их швырнувшая на снег,
Страна, где смех всегда сквозь слёзы,
И слёзы – только через смех.
Страна, где мудрости – излишек,
Страна засилия цензур,
Край нецелованных мальчишек,
Латавших дыры амбразур.
Веками гениев рождала
И изгоняла в чуждый свет.
Страна, которой очень мало,
Страна, которой края нет!
Страна рыдающих погостов
И шумных свадебных столов...
Страна великих парадоксов –
Моя страна.

Андрей Фролов

СОДЕРЖАНИЕ

А. Шорохов. Безыкусные строки	2
--	---

ЗОРКОЕ ДЕТСТВО МОЁ

Пироги	9
Грузовая	10
Кукла Марина	12
«Конопатая девчонка...»	13
Урок	14
Старый квартал	15
Поливальщик	16
Весна во дворе	17
Облака	18
Ветер	19
Воздушный праздник	20
На покосе	21
Пастух	22
Ночное	23
Заколдованный лес	24
Бабье лето	25
Рыбак	26
Июльские стихи	28
Воспоминание о летнем дне	29
Отражения	30
Колесо обозрения	31
«Сноровисто скрипят по снегу сани...»	32
«В январе беспокоясь о лете...»	34
На охоте	35
Зарисовка	36
Зимняя рыбалка	37

Дерево	38
Съёмки	39
«Линялый август...»	41
Солнечный футбол	42
«Должно быть, случилось неладное с нами...»	43
Монастырка	44
Осеннее	45
Отец.	46
Возвращение домой	47
Воспоминание	48
«Сколько отмеряно...»	49
Дорога	50

ДО НЕБА – ПОЛВЕРСТЫ

Когда-нибудь	53
«Надсадно выла автострада...»	54
Орловщина	55
Огоньки	56
Красота	57
«В деревне Коровье Болото...»	58
У брода	59
Кресты	60
Старый дом	61
Родина	62
Ворожея	63
Дедушка	64
Глубинка	65
Яблочный спас	66
Сентябрь	67
Кузьмич	68
Предзимье	70
Стройка	72
Случай	73
Шатун	74

Былины	75
Совхоз	76
Сосед	77
Сторож	78
Хозяйка яблоневого сада	79
По дороге на дачу	80
Туман на Оке	81
В августе	82
«Холодает...»	83
«Над Окой порыжели туманы...»	84
«Я не люблю осенний лес...»	85
Агроном	86
Костомаровка	87
Колхозник	88
Как дед помирал	89
Свадьба	90
Храм	91
Воскресенье	92
Дом	93
«Родина любимей не становится...»	94

Я С ТОБОЮ О ЛЮБВИ ГОВОРЮ

Отъезд	97
Десять лет спустя	98
Городская	99
Вечерний этюд	100
Женщина у окна	101
Сватовство	102
«Женщина глядит издалека...»	103
Семь лет	104
Не пара	105
Танюха	106
Женщина плачет	107
Однолюб	108

Синяя птица	109
Бывшие	110
Возвращение	111
Ссора	112
Разлад	113
Любовь	114
«Я не знаю...»	115
Триптих	116
«А в мире – пустота...»	117
Наташка	118
«Сгораешь, жизнью опечалена...»	119
«Картина мира такова...»	120
«Всё у тебя по полочкам...»	121
«Не сон, не явь, а между где-то...»	122
«Разболелся, как всегда, некстати...»	123
«Подожди, не спеши...»	124
«Я с тобою говорю об одном...»	125
Юг	126
Зимняя ночь в Ялте	127
«Ты неспроста глядишь встревожено...»	128
К тебе	129
«Любишь ли, нет ли – неважно мне...»	130

В МОЁМ ГРАНЁНОМ МИРЕ

Дорожный набросок	133
Едем!	134
Поезд дальнего следования	135
Белые Берега	136
Ностальгия	137
Перед грозой	138
На даче	139
Тишина	140
Феодал	141
Луч	142

Восприятие утра	143
Наблюдатель	144
Муза	145
«Не добит ещё делами...»	146
Творчество	147
Кружок	148
«Пусть мне скажут, что я не такой...»	149
Икар	150
Истина	151
Поэт.	152
Весть	153
«Небо свесилось устало...»	154
«Вырастая до прежнего роста...»	155
«В период коротких закатов...»	156
«Теперь, как и прежде, зима неизбежна...»	157
Ночной звонок	158
Опоздание	159
«Всю-то жизнь мой отец слесарил...»	160
Телефонный разговор	161
Про соседку	162
«Кажется, я не умру никогда...»	163
Дочери	164
Фотоальбом	165
Убереги	167
«А может, в том и правда золотая...»	168
Колесо	169
«Я вижу свет...»	170

ДЕНЬ РАСТЁТ ОЧЕРЕДНОЙ

Рассветное	173
Рисовальщица	174
Художник	175
Прохожий	176
Лото	177

Противоречия	178
Сундук	179
Дурь	180
Лунатик	181
В пути	182
Роды в лагере геологов	183
Одинокое счастье	184
Коммуналка	185
Бродяга	188
По кривой	189
Байка	190
Курица	191
Быль	192
Окончание бала	193
Портрет стареющей дамы	194
Весёлая вдова	195
Звёздная болезнь	196
В командировке	197
Плотник	198
Работяга	199
Бобыль	200
Отшельник	201
Выходной монаха	202
В опале	203
Геометрия	204

В ЗОРЕВЫХ, ТЯЖЁЛЫХ РОСАХ

«Петляет в сумерках дорога...»	207
Новейшая история	208
Плаха	209
Пожар	210
Река	211
«Картина российского быта...»	212
«Как на дежурстве...»	213

Деревня	214
Юродивый	215
Памятник	216
Канун 7-го ноября	217
Затишье	218
Набат	219
Проводы	220
Беженцы	221
Вдова	222
Победа	223
Солдат	224
Возвращение солдата	225
Память	226
Мужицкий разум	227
Идущий поперёк	228
Репей	229
Муравей	230
Тараканьи бега	231
Свобода	232
Старик	233
Идеалист	234
Философ	235
Богатырь	236
Тараканы	237
Один день	238
Если о Руси	239
По русской дороге	240
Посох	242
Видение	243
Моя страна	244

Андрей Фролов

ПОСОХ

Избранные стихотворения

Издание второе, дополненное

Редактор *Е.А. Машукова*

Технический редактор *Г.В. Скорикова*

В оформлении использованы рисунки *Л.И. Афонина*

Орловская областная организация

Союза писателей России

302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1

Подписано в печать 9.11.2017 г. Формат 70x100^{1/32}.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. п. л. 10,24. Тираж 1000 экз. Заказ № 50.

Отпечатано с готового оригинал-макета

на полиграфической базе ИД «Орлик».

302030, г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20.